

ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Разные оттенки
смерти

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз,
исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке,
спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Звезды мирового детектива

Луиза Пенни

Разные оттенки смерти

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44

Пенни Л.

Разные оттенки смерти / Л. Пенни — «Азбука-Аттикус»,
2011 — (Звезды мирового детектива)

Роман «Разные оттенки смерти» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша – нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. Только вчера художница Клара Морроу пережила мгновения величайшего триумфа: в престижном монреальском музее с огромным успехом состоялось открытие ее персональной выставки. И вот сегодня все пошло прахом, словно в дурном сне. Возле дома Клары в деревне Три Сосны найдена убитая женщина, причем выясняется, что это старая знакомая Клары, с которой ее когда-то связывали непростые отношения. На художницу падает тень подозрения в убийстве. Казалось бы, все факты против нее. Однако интуиция подсказывает старшему инспектору Арману Гамашу, что в этом деле факты не главное. Чтобы докопаться до истины, ему придется с головой окунуться в мир искусства, в котором так много полутонов и оттенков, а игра света подчас полностью меняет картину... Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44

© Пенни Л., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	26
Глава четвертая	36
Глава пятая	45
Глава шестая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Луиза Пенни

Разные оттенки смерти

*Посвящается Шарон, Маргарет, Луизе и всем замечательным
женщинам, которые помогли мне найти тихое место под ярким солнцем*

Louise Penny

A TRICK OF THE LIGHT

Copyright © 2011 by Three Pines Creations

All rights reserved

This edition published by arrangement with Teresa Chris Literary Agency Ltd. and The Van
Lear Agency

Перевод с английского Григория Крылова

Глава первая

«Ах, нет, нет, нет», – думала Клара Морроу, приближаясь к закрытой двери.

За матовым стеклом мелькали какие-то неясные тени, похожие на привидения. Они исчезали и появлялись вновь. Искаженные, но все же сохранившие человеческие очертания.

«Мертвец все свое неслышно гнул»¹.

Эти слова весь день преследовали ее, то появлялись, то исчезали. Полузабытое стихотворение. Слова то всплывали, то уходили на дно. Клара никак не могла вспомнить стихотворение целиком.

Как там остальное?

Почему-то это представлялось ей важным.

«Ах, нет, нет, нет».

Смутные фигуры в дальнем конце длинного коридора казались чуть ли не жидкими или дымными. Они присутствовали, но оставались бестелесными. Порхали. Колыхались.

Ах, если бы и ей так!

Вот оно. Конец путешествия. Причем речь не о маленьком сегодняшнем путешествии, закончившемся, когда она и ее муж Питер приехали из квебекской деревушки в монреальский Музей современного искусства – место, так хорошо им знакомое. Близко знакомое. Как часто приезжали они сюда, чтобы восхититься какой-нибудь новой выставкой! Чтобы поддержать друга, такого же художника, как они. Или просто тихо посидеть в длинной галерее в будний день, когда остальной город работает.

Искусство было их работой. И даже чем-то бóльшим. Иначе и быть не могло. Иначе к чему все эти долгие годы уединения, неудач, молчания мира искусств, озадаченного и даже ошеломленного?

Они с Питером трудились, работали каждый день в маленьких мастерских в маленькой деревушке, где проживали свои маленькие жизни. Они жили счастливо. Но все же хотели большего.

Клара сделала еще несколько шагов по длинному-длинному, отделанному белым мрамором коридору.

Вот оно и пришло, это «большее». Оно за этими дверями. Наконец-то. Смысл всех ее трудов. То, к чему она шла всю жизнь.

Ее первая детская мечта, ее последняя мечта сегодня утром, почти пятьдесят лет спустя, – эта мечта находилась в конце коридора, по которому она шла.

Они оба предполагали, что Питер первым пройдет через эти двери. Он был гораздо более успешным художником. Его работы, его изысканные картины, на которых он изображал предметы в многократном увеличении, пользовались успехом. Они были столь детальными, столь проработанными, что естественный мир на них выглядел искаженным и абстрактным. Незнаваемым. Питер брал естественное и изображал его так, что оно казалось неестественным.

И люди принимали это. Слава богу, принимали. Поэтому на столе у двух художников всегда была пища, а волки, постоянно кружившие вокруг их маленького дома в Трех Соснах, старались держаться подальше от дверей. И все благодаря Питеру и его искусству.

¹ Строки из стихотворения «Тонул, а не махал рукой» («Not Waving but Drowning») английской поэтессы Стиви Смит. Оно так часто цитируется в романе, что стоит привести его полностью: Никто его слов не слышал, увы, Но мертвец все свое гнул: «Я заплыл гораздо дальше, чем думали вы, И не рукой махал, а тонул». Бедняга, он любил пошутить всегда И теперь здесь мертвым лежит не вдруг. Сердце сдало: была холодна вода, — Говорили вокруг. «Ах, нет, нет, нет, вода всегда была холодна, — Мертвец все свое неслышно гнул. — Я всю жизнь плыл туда, где не видно дна, И не рукой махал, а тонул».

Питер шел немного впереди нее, на его красивом лице блуждала улыбка. Клара знала, что большинство людей при первом знакомстве не воспринимали ее как жену Питера. Они предполагали, что его пара – стройная топ-менеджер с бокалом белого вина в изящной руке. Пример естественного отбора. Или притяжение подобного подобным.

Этот известный художник с седеющими волосами и благородными чертами лица никак не мог выбрать в супруги женщину с руками, для которых самые подходящие перчатки – боксерские. Женщину с кусочком паштета в курчавых волосах. Женщину, мастерская которой наполнена скульптурами из старых деталей трактора и картинами с изображением летающих кабачков.

Нет, Питер Морроу никак не мог выбрать ее. Это было бы неестественно.

И все же он выбрал именно ее.

А она выбрала его.

Клара улыбнулась бы, не будь она уверена, что ее вот-вот вырвет.

«Ах, нет, нет, нет», – снова подумала она, глядя, как уверенно шагает Питер к закрытым дверям и приговору, который вынесут эти привидения от искусства. Приговору ей, Кларе.

Ее руки застыли и онемели, пока она медленно шла вперед, движимая непреодолимой силой – смесью возбуждения и ужаса. Ей хотелось броситься к дверям, распахнуть их и прокричать: «Ну вот я и пришла!»

Но больше всего ей хотелось убежать и спрятаться.

Проковылять на заплетающихся ногах обратно по длинному-длинному коридору, заполненному светом и произведениями искусства. Признаться, что она совершила ошибку. Дала неправильный ответ, когда у нее спросили, хочет ли она персональную выставку. В этом музее. Когда ее спросили, хочет ли она, чтобы сбылись все ее мечты.

Она дала неправильный ответ. Сказала «да». И вот чем это закончилось.

Кто-то солгал. Или не открыл всей правды. В ее мечтах, единственных мечтах, которые она лелеяла с самого детства, она открывала персональную выставку в Музее современного искусства. Она шла по коридору. Сосредоточенная и спокойная. Красивая и стройная. Остроумная и популярная.

Шла в ожидающие ее объятия восторженного мира.

Не было никакого страха. Никакой тошноты. Никаких существ за матовым стеклом, готовых сожрать ее. Расчленив ее. Унизить ее и ее творения.

Кто-то солгал. Не сказал, что ее может ожидать кое-что другое.

Неудача.

«Ах, нет, нет, нет, – повторила про себя Клара. – Мертвец все свое неслышно гнул».

Как же там дальше? И почему она никак не может вспомнить эти строки?

Теперь, когда до конца путешествия оставалось всего несколько шагов, ей хотелось одного – убежать домой, в Три Сосны. Открыть деревянную калитку. Пронестись по дорожке, обсаженной яблонями в весеннем цвету. Захлопнуть за собой дверь дома. Прислониться к ней. Запереть. Прижаться к ней спиной, чтобы внутрь не ворвался внешний мир.

Но было уже слишком поздно, и Клара знала, кто ей солгал.

Она сама и солгала.

Сердце ее билось о ребра, словно испуганная птица в клетке, отчаянно пытающаяся вырваться на свободу. Клара поняла, что задерживает дыхание, вот только не знала, давно ли. Чтобы компенсировать нехватку кислорода, она принялась усиленно дышать.

Питер что-то говорил, но его голос звучал тихо, словно издали, заглушаемый криками в голове у Клары и стуком ее сердца.

И шумом, все усиливающимся за дверями, по мере того как они с Питером приближались.

– Это будет забавно, – сказал Питер с обнадеживающей улыбкой.

Клара разжала пальцы и выронила сумочку. Та упала на пол с негромким хлопком, поскольку была почти пуста – в ней лежали лишь мятные леденцы и крохотная кисточка из детского набора «Раскрашиваем по номерам», подаренного Кларе ее бабушкой.

Клара опустила на колени, делая вид, будто собирает невидимые рассыпавшиеся предметы. Она опустила голову, пытаясь перевести дыхание, и подумала, что вот-вот потеряет сознание.

– Глубокий вдох, – услышала она. – И полный выдох.

Клара отвела взгляд от сумочки, валяющейся на блестящем мраморном полу, и посмотрела на человека, который присел на корточки возле нее.

Это был не Питер.

Она увидела своего друга и соседа из Трех Сосен – Оливье Брюле. Он опустился рядом с ней на колени и посмотрел своими добрыми глазами – спасательными кругами, брошенными тонущей женщине. Клара ухватилась за эти спасательные круги.

– Глубокий вдох, – прошептал он.

Его голос звучал спокойно. Это было их частное маленькое происшествие. Их частная спасательная операция.

Клара сделала глубокий вдох и сказала:

– Думаю, я этого не выдержу.

Она наклонилась вперед, почувствовав слабость. Ей казалось, что стены смыкаются вокруг нее. Впереди она видела черные полированные туфли Питера. Там, где он наконец остановился. Не хватилась ее тотчас же. Не заметил, что его жена отстала.

– Я знаю, – прошептал Оливье. – Но еще я знаю тебя. На коленях ли, во весь ли рост, но ты войдешь в эту дверь. – Он указал головой в конец коридора, не отводя глаз от Клары. – И надеюсь, все-таки во весь рост.

– Но еще не поздно. – Клара обшарила взглядом его лицо, его шелковистые светлые волосы, увидела морщинки, заметные только вблизи. Морщин было больше, чем должно быть у тридцативосьмилетнего человека. – Я еще могу уйти. Уехать домой.

Доброе лицо Оливье исчезло, и она снова увидела свой сад, каким он был сегодня утром, когда еще не сошел туман. Когда тяжелая роса лежала под ее резиновыми сапогами. В саду стоял аромат ранних роз и поздних пионов, напитанных утренней влагой. С чашечкой утреннего кофе Клара села на деревянную скамью во дворе и задумалась о предстоящем дне.

Она не раз представляла себе, как падает на пол. В ужасе. Одержимая желанием бежать. Вернуться в этот сад.

Но Оливье был прав. Она не вернется. Пока.

«Ах, нет, нет, нет». Ей придется пройти через эти двери. Путь домой лежал через них.

– Выдохни полностью, – прошептал Оливье с улыбкой.

Клара рассмеялась и выдохнула.

– Из тебя вышла бы хорошая акушерка, Оливье.

– Эй, что вы там делаете на полу? – спросил Габри, глядя на Клару и своего партнера. – Я знаю, чем Оливье обычно занимается в этой позиции, и надеюсь, ничего подобного сейчас не происходит. – Он повернулся к Питеру. – Хотя смех как раз этим и может объясняться.

– Готова?

Оливье подал Кларе сумочку, и они поднялись на ноги.

Габри, всегда находившийся поблизости от Оливье, обнял Клару.

– Ну, что ты про себя скажешь? – Он внимательно посмотрел на нее.

Габри был толстый, хотя сам предпочитал называть себя дородным, и его лицо не бороздили морщины, в отличие от лица его партнера.

– Все отлично, – ответила Клара.

– Отвратительно, тошнотворно, лейкозно, истерично, чахоточно, нудно, омерзительно?

– Именно так.

– Прекрасно. То же можно сказать и про меня. Как и про всех остальных. – Габри показал на дверь. – Но про них не скажешь, что они – потрясающие художники, которым предстоит персональная выставка. А вот ты знаменитая, и у тебя все замечательно.

– Ну, идем? – спросил Питер, протягивая Кларе руку и улыбаясь.

Она помедлила, потом взяла протянутую руку и пошла рядом с Питером по коридору. Гулкое эхо их шагов не могло заглушить веселого оживления по ту сторону двери.

«Они смеются, – подумала Клара. – Смеются над моим искусством».

И в этот миг в ее памяти всплыли строки того стихотворения:

Мертвец все свое неслышно гнул.
«Я всю жизнь плыл туда, где не видно дна,
И не махал рукой, а тонул».

Издалека до Армана Гамаша доносились детские голоса. Он знал, где играют дети. В парке за дорогой, хотя он не видел их сквозь густую листву кленов. Ему иногда нравилось сидеть здесь и воображать, что это голоса его внуков – Флоранс и Зоры. Еще он воображал, что в парке гуляют его сын Даниель и невестка Розлин, присматривают за детьми. Что скоро они появятся – перейдут рука об руку через тихую улицу в самом центре огромного города, спеша на обед. Или Гамаш с Рейн-Мари присоединятся к ним и вместе поиграют в мяч или в «каштаны».

Ему нравилось воображать, что они здесь, а не за тысячу километров в Париже.

Но по большей части он просто слушал крики, визг и смех соседских детей. И улыбался. Отдыхал душой.

Гамаш потянулся за пивом и опустил журнал «Обсерватёр» на колени. Его жена Рейн-Мари сидела напротив него на балконе их квартиры. В этот необычно жаркий июньский день перед ней тоже стоял стакан холодного пива. Но ее экземпляр «Пресс» был сложен на столе, и она смотрела вдаль перед собой.

– О чем ты задумалась? – спросил Гамаш.

– Да так, ни о чем и обо всем.

Он немного помолчал, глядя на нее. Волосы у Рейн-Мари поседели, впрочем, как и у него. Она много лет красила их в каштановый цвет, но недавно перестала это делать, чему Гамаш был рад. Как и ему, ей перевалило за пятьдесят пять. И они выглядели так, как должна выглядеть пара их лет. Если этой паре повезло.

Не как модели с журнальных обложек. Вовсе нет. Арман Гамаш хотя и не был грузным, но отличался плотным телосложением. Если бы кто-то чужой зашел в этот дом, то он мог бы подумать, что месье Гамаш – тихий ученый, возможно, профессор истории или литературы в Монреальском университете.

Но такой вывод стал бы ошибочным.

Повсюду в их большой квартире были книги. Исторические, биографические, художественные, трактаты по памятникам квебекской старины, поэтические сборники. Все это аккуратно стояло в книжных шкафах. Почти на каждом столе лежало по книге, а нередко и по несколько журналов. А на кофейном столике перед камином в гостиной лежали газеты конца недели. Если гость был наблюдательный и заходил в кабинет Гамаша, то он мог прочитать историю, которую рассказывали собранные там книги.

И такой гость вскоре понял бы, что он попал вовсе не в дом отставного профессора французской литературы. Полки были уставлены папками, книгами по медицине и криминалистике, томами по Наполеоновскому и общему праву, дактилоскопии, генетическим кодам, ранениям и оружию.

Убийство. Кабинет Армана Гамаша был наполнен этим.

Но все же даже среди смерти нашлось место для поэтических сборников и книг по философии.

Глядя на Рейн-Мари, сидящую напротив него на балконе, Гамаш в очередной раз исполнился уверенности, что он женился не на ровне и что жена выше его. Нет, не в социальном плане. И не в научном. Но он никак не мог отделаться от подозрения, что ему очень-очень повезло.

Арман Гамаш знал, что везение сыграло немалую роль в его жизни, но ни одна из этих удач и в сравнение не могла идти с той, что он уже тридцать пять лет влюблен в одну женщину. Если, конечно, не считать необыкновенным везением тот факт, что она тоже была влюблена в него.

И вот она посмотрела на него своими голубыми глазами:

– Вообще-то, я думала о вернисаже Клары.

– Да?

– Скоро нужно идти.

– И верно. – Гамаш взглянул на часы. Было пять минут шестого. Прием в музее по случаю открытия персональной выставки Клары Морроу начинался в пять и должен был закончиться в семь. – Как только появится Дэвид.

Их зять опаздывал уже на полчаса, и Гамаш посмотрел с балкона в гостиную. Его дочь Анни сидела там с книжкой, а напротив нее расположился заместитель Гамаша Жан Ги Бовуар и трепал Анри за громадные уши. Немецкая овчарка Гамашей обожала такие ласки. Анри разомлел, на его щенячьей морде застыла глупая улыбка.

Жан Ги и Анни игнорировали друг друга. Гамаш усмехнулся. Что ж, по крайней мере, они не швыряли друг в друга оскорбления или что потяжелее.

– Может быть, поедем? – предложил он. – Дэвиду можно позвонить на сотовый, чтобы ехал прямо в музей.

– Подождем еще несколько минут.

Гамаш кивнул и взял журнал, потом медленно опустил его:

– Ты хочешь сказать что-то еще?

Немного поколебавшись, Рейн-Мари улыбнулась:

– Я вот думала, как ты относишься к этому вернисажу. Уж не специально ли ты тянешь время?

Арман удивленно поднял брови.

Жан Ги Бовуар трепал Анри за уши и смотрел на молодую женщину, сидевшую напротив него. Он знал ее вот уже пятнадцать лет, с тех пор как новичком появился в отделе по расследованию убийств, а она была еще девчонкой. Неловкой, застенчивой, упрямой.

Он не любил детей. И уж точно не любил умненьких тинейджеров. Но он заставлял себя полюбить Анни Гамаш, хотя бы по той причине, что она была дочерью его босса.

Заставлял, заставлял, заставлял. И наконец...

Он добился своего.

Теперь ему было под сорок, ей под тридцать. Она была адвокатом. Замужем. По-прежнему оставалась неловкой, застенчивой, упрямой. Но он прилагал столько усилий, чтобы полюбить ее, что перестарался. Он видел, как она смеется с неподдельной искренностью, видел, как она слушает скучнейших людей так, будто они интереснейшие собеседники, которых она искренне рада видеть и которые для нее важны. Он видел, как она танцует, размахивая руками и запрокинув голову. Как светятся ее глаза.

И как-то раз он задержал ее руку в своей. Всего один раз.

В больнице. Он вернулся из далекого далека, продрался сквозь боль и темень к этому незнакомому, но доброму прикосновению. Он знал, что это не его жена Энид – у той была птичья хватка, ради которой не стоило возвращаться.

Эта рука была большая, уверенная, теплая. И она звала его назад.

Он открыл глаза и увидел Анни Гамаш, глядящую на него с такой тревогой. «Почему она здесь?» – удивился он. А потом понял почему.

Потому что нигде больше она не могла быть. Не было другой больничной кровати, у которой она могла бы сидеть.

Потому что ее отец был мертв. Убит в перестрелке на заброшенной фабрике. Бовуар собственными глазами видел, как его убили. Видел, как пуля попала в него. Как он подскочил и свалился на цементный пол.

И остался недвижим.

И вот теперь Анни Гамаш держит его за руку в больнице, за неимением той руки, которую она хотела бы держать.

Жан Ги Бовуар снова открыл глаза и посмотрел на Анни Гамаш, такую печальную. Он почувствовал, как у него разрывается сердце. Потом он увидел что-то еще.

Радость.

Никто никогда не смотрел на него таким взглядом. С нескрываемой и безграничной радостью. Анни посмотрела на него так, когда он открыл глаза.

Он попытался что-то произнести, но не смог. Однако она правильно поняла, что он хотел сказать.

Анни наклонилась над ним, и он ощутил ее аромат. Слабый цитрусовый, чистый и свежий. Не то что навязчивый, терпкий запах духов Энид. Анни пахла, как лимонная роща летом.

– Папа жив, – прошептала она ему на ухо.

И тут он почувствовал смущение. В этой больнице его ждало множество унижений – от судна и подгузников до обмывания губкой. Но ни одно из них не было таким личным, таким ранящим, таким предательским, как то, что произвело его тело в тот момент.

Он заплакал.

И Анни видела это. И до сего дня ни разу об этом не упомянула.

К неудовольствию Анри, Жан Ги перестал трепать его за уши и привычным жестом положил одну руку на другую.

Так у него возникало ощущение, будто рука Анни лежит на его руке.

Большей близости между ними не было. Между ним и замужней дочерью его босса.

– Твой муж опаздывает, – сказал Жан Ги и услышал в своем голосе обвинительную нотку. Упрек.

Анни очень медленно опустила газету и уставилась на него:

– На что ты намекаешь?

На что он намекает?

– Из-за него мы тоже опоздаем.

– Тогда езжайте. Мне все равно.

Он зарядил пистолет, поднес к своему виску и умолял Анни нажать на спусковой крючок. И теперь он чувствовал, что слова больно бьют. Режут. Проникают вглубь и взрываются.

«Мне все равно».

Он понял, что эта боль почти успокаивает. Возможно, если бы он вынудил Анни сделать ему еще больнее, то вообще бы потерял чувствительность.

– Послушай... – Анни подалась вперед и заговорила мягче. – Мне жаль, что у вас так получилось. Я имею в виду, что ты расстался с Энид.

– Ну что ж, такое случается. Ты как адвокат должна это знать.

Она посмотрела на него пытливым взглядом, таким же, как у ее отца, и кивнула:

– Случается. – Она немного помолчала. – Наверное, в особенности после того, что с тобой произошло. Такое заставляет задуматься о жизни. Хочешь поговорить об этом?

Поговорить об Энид с Анни? Обо всех этих жутких дразгах, мелочных оскорблениях, шрамах и царапинах? Одна эта мысль вызвала у него отвращение, и Анни, вероятно, увидела это. Она откинулась назад и покраснела, словно он ударил ее по щеке.

– Считай, что я ничего тебе не говорила, – отрезала она и поднесла газету к лицу.

Нужно было срочно найти какие-то слова, чтобы снова перекинуть между ними мостик. Минуты шли, становились все длиннее.

– Вернисаж, – пробормотал наконец Бовуар.

Это было первое, что всплыло в его пустой голове, словно в магическом шаре 8, который, если его потрясти, показывает одно-единственное слово. В данном случае «вернисаж».

Газета опустилась, появилось каменное лицо Анни.

– Там будут люди из Трех Сосен, ты же знаешь.

Ее лицо продолжало оставаться бесстрастным.

– Это та деревня в Восточных кантонах. – Бовуар слабо махнул рукой в сторону окна. – К югу от Монреаля.

– Я знаю, где находятся эти кантоны, – был ответ.

– Это выставка Клары Морроу, и они все наверняка там будут.

Анни снова подняла газету. «Канадский доллар силен как никогда», – прочел Бовуар из другого угла комнаты. «Зимние рытвины еще не отремонтированы», – прочел он. «Расследование коррупции в правительстве», – прочел он.

Ничего нового.

– Один из них ненавидит твоего отца.

Газета медленно опустилась.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Понимаешь... – По выражению ее лица он понял, что зашел слишком далеко. – Совсем не настолько, чтобы повредить ему или что-нибудь в этом роде.

– Папа рассказывал о Трех Соснах и о людях, живущих там. Но ничего такого не говорил.

Она вроде бы расстроилась, и Бовуар пожалел, что начал это. Но по крайней мере, этими словами ему удалось привлечь ее внимание. Она снова с ним говорила. И мостиком стал ее отец.

Анни уронила газету на стол и посмотрела через плечо Бовуара на своих родителей, тихо разговаривающих на балконе.

Она вдруг снова стала похожа на ту девчонку, какую он знал когда-то. Она никогда не будет красавицей, за которой поворачиваются все головы. Это было ясно уже тогда. Анни не отличалась точеными чертами лица или изяществом. Она была скорее спортивной, чем грациозной. Она, конечно, одевалась не кое-как, но и не забывала об удобстве.

Самоуверенная, решительная, сильная физически. Да, в армрестлинге он был сильнее, – он знал это, потому что несколько раз они состязались, но ему приходилось выкладываться по полной.

С Энид он даже потребности такой не испытывал. Да она и сама бы не предложила.

Анни Гамаш не только предложила, но и была уверена в победе.

А проиграв, смеялась.

Если другие женщины – та же Энид – были красивыми, то Анни Гамаш была полна жизни.

Поздно, слишком поздно понял Жан Ги Бовуар, как это важно, как привлекательно, как редко это встречается – быть по-настоящему полной жизни.

Анни посмотрела на Бовуара:

– С чего это кто-то из них стал бы ненавидеть папу?

Бовуар понизил голос:

– Ну хорошо, слушай. Я тебе расскажу, что случилось.

Анни подалась вперед. Их разделяли фута два, и Бовуар ощутил ее запах. Он крепился из всех сил, чтобы не взять ее руку в свои.

– В деревне Клары, в Трех Соснах, случилось убийство...

– Да, отец об этом говорил. Кажется, там какое-то кустарное производство.

Бовуар невольно засмеялся:

– «Где ярче свет, там тени гуще»².

Удивленный взгляд Анни снова заставил Бовуара рассмеяться.

– Дай-ка сообразить, – сказала она. – Ты не сам это сочинил.

Бовуар улыбнулся и кивнул:

– Это написал один немецкий парень. А потом повторял твой отец.

– Несколько раз?

– Достаточно часто, чтобы я просыпался по ночам, выкрикивая эти слова.

Анни улыбнулась:

– Я знаю. Я была единственным ребенком в школе, кто цитировал Ли Ханта. – Ее голос чуть изменился под воздействием воспоминаний. – «Но более всего любил он счастливое человеческое лицо»³.

Гамаш улыбнулся, услышав смех из гостиной.

Он наклонил голову в том направлении:

– Неужели они наконец помирились?

– Либо помирились, либо это знак грядущего апокалипсиса, – ответила Рейн-Мари. – Если из парка появятся четыре всадника, вы уж разбирайтесь сами, месье.

– Я рад, что он смеется, – сказал Гамаш.

После того как Жан Ги расстался с Энид, он стал какой-то замкнутый. Настороженный. Он и всегда-то был довольно скуп на эмоции, а теперь превратился совсем в тихоню, словно стены вокруг него стали выше и толще. А узенький опускной мост был поднят.

Арман Гамаш знал, что воздвижение стен никогда не приводит ни к чему хорошему. То, что люди принимали за безопасность, на самом деле было пленом. А в плену почти ничто не расцветает.

– Время все вылечит, – сказала Рейн-Мари.

– Avec le temps⁴, – согласился Арман.

Но самому себе он не переставал задавать вопросы. Он знал, что время исцеляет. Но оно еще могло и наносить новые раны. Лесной пожар со временем способен сожрать весь лес.

Кинув последний взгляд на двоих в гостиной, Гамаш продолжил разговор с Рейн-Мари.

– Ты и в самом деле думаешь, что я не хочу идти на вернисаж? – спросил он.

Она немного помедлила:

– Не уверена. Скажем так: ты особо туда не торопишься.

Гамаш кивнул, взвешивая ее слова:

– Я знаю, там будут все. Может возникнуть неловкая ситуация.

– Ты арестовал одного из них за убийство, которого он не совершал, – сказала Рейн-Мари.

² Гёте И. В. Гец фон Берлихинген с железной рукой. Акт I.

³ Хант Л. История Римини.

⁴ Со временем (фр.).

Это не было обвинением. Напротив, слова прозвучали тихо и мягко, чтобы собственные чувства Гамаша не ранили его слишком больно. Те чувства, о существовании которых он сам, может быть, и не подозревал.

– И ты считаешь, что в социальном плане это faux pas?⁵ – спросил он с улыбкой.

– Я бы сказала, что в социальном плане это больше чем faux pas, – рассмеялась Рейн-Мари, с облегчением увидев шутливое выражение на его лице.

На лице, которое теперь было выбрито. Не осталось ни усов, ни седеющей бородки. Остался один Арман. Он посмотрел на нее своими умными карими глазами, и, глядя в них, она почти забыла про шрам над его левым виском.

Через миг улыбка сошла с его лица, он снова кивнул и глубоко вздохнул:

– Посадить невинного человека в тюрьму – что может быть хуже?

– Но ты сделал это не по злему умыслу, Арман.

– Верно, однако время, проведенное им в тюрьме, не стало от этого приятнее.

Гамаш перевел взгляд с милого лица жены на деревья в парке. Естественная обстановка. Ему так не хватало этого, ведь его дни были заполнены поисками неестественного. Поисками убийц. Людей, которые забирали жизнь у других. И делали это жестокими, страшными способами. Арман Гамаш был главой отдела по расследованию убийств знаменитой Квебекской полиции. Он хорошо делал свое дело.

Но и он был не идеален.

Он арестовал Оливье Брюле за убийство, которого тот не совершал.

– Так что же случилось? – спросила Анни.

– Ну, большую часть ты и сама знаешь. Об этом писали во всех газетах.

– Я, конечно, читаю газеты и говорила об этом с отцом. Но он ничего не рассказывал о том, что кто-то из участников тех событий может все еще ненавидеть его.

– Ну, ты знаешь, это случилось почти год назад, – начал Жан Ги. – В бистро Трех Сосен был найден труп. Мы провели расследование и собрали неопровержимые улики. Нашли отпечатки пальцев, оружие убийства, вещи, похищенные из домика убитого в лесу. Все это было спрятано в бистро. Мы арестовали Оливье. Был суд, его признали виновным.

– И вы думали, что убийца – он?

Бовуар кивнул:

– Я тоже был в этом уверен. Не только твой отец.

– Как же случилось, что вы поменяли мнение? Кто-то другой признался в убийстве?

– Нет. Ты помнишь то время через несколько месяцев после операции на заброшенной фабрике, когда твой отец приходил в себя после ранения?

Анни кивнула.

– Вот тогда у него и стали появляться сомнения. Он попросил меня вернуться в Три Сосны и провести новое расследование.

– И ты его провел.

Жан Ги кивнул. Конечно, он поехал в Три Сосны. Он выполнил бы любой приказ старшего инспектора, хотя у него самого сомнений в вине Оливье не было. Он считал, что в тюрьме оказался виновный. Но повторное расследование выявило нечто такое, что повергло его в шок.

Он обнаружил настоящего убийцу. И узнал истинную причину преступления.

– Но ты ведь бывал в Трех Соснах и после ареста Оливье, – сказала Рейн-Мари. – Ты уже встречался с ними после той истории.

⁵ Ложный шаг (фр.).

Она тоже ездила в Три Сосны и подружилась с Кларой, Питером и другими, хотя некоторое время не встречалась с ними – после того случая.

– Верно, – кивнул Арман. – Мы с Жаном Ги отвезли Оливье домой, когда его выпустили из тюрьмы.

– Не могу даже вообразить, что он чувствовал.

Гамаш молчал, вспоминая снежные сугробы в лучах солнца. Сквозь заиндевшее стекло он видел жителей деревни, собравшихся в бистро. В тепле и безопасности. Веселый огонь в камине. Пивные стаканы и кружки кофе с молоком. Смех.

И Оливье, который застыл в двух шагах от двери, не сводя с нее глаз.

Жан Ги пошел было открыть ее, но Гамаш его остановил. Они ждали на жгучем морозе. Ждали, когда Оливье сделает шаг.

Прошла, казалось, целая вечность, а на самом деле всего несколько секунд, и наконец Оливье протянул руку, помедлил еще немного и открыл дверь.

– Жаль, я не видела лица Габри, – заметила Рейн-Мари, представляя себе этого крупного эмоционального человека в момент возвращения его партнера.

Вернувшись тогда домой, Гамаш рассказал жене обо всем этом. Но какие бы восторги ни представляла себе Рейн-Мари, реальность была еще эмоциональнее. По крайней мере, со стороны Габри. Остальные жители тоже были рады видеть Оливье. Однако...

– Так в чем дело? – спросила Рейн-Мари.

– Да, Оливье не убивал этого человека, но, как тебе известно, во время процесса всплыло много некрасивых вещей о нем. Оливье обкрадывал Отшельника, пользуясь их дружбой и тем, что старик впал в слабоумие. К тому же обнаружилось, что на деньги, полученные нечестным путем, Оливье скупил немало недвижимости в Трех Соснах. Даже Габри об этом не знал.

Рейн-Мари обдумала услышанное.

– Интересно, как его друг отнесся к этому, – сказала она наконец.

Этот же вопрос задавал себе и Гамаш.

– Так это Оливье ненавидит моего отца? – спросила Анни. – Но почему? Ведь отец вызволил его из тюрьмы. Привез назад в Три Сосны.

– Да, но Оливье считает, что из тюрьмы его вызволил я. А посадил твой отец.

Анни уставилась на Бовуара, потом отрицательно покачала головой.

А Бовуар продолжил:

– Твой отец извинился перед ним. Перед всеми, кто был тогда в бистро. Он сказал Оливье, что винит себя в случившемся.

– А что ответил Оливье?

– Что не может его простить. Пока не может.

Анни задумалась.

– Как отреагировал отец?

– Его это вроде бы не удивило и не расстроило. Напротив, мне кажется, он удивился бы, если бы Оливье вдруг решил все забыть и простить. Он бы ему просто не поверил.

Бовуар знал, что хуже непращения может быть только неискреннее прощение.

Жан Ги не мог не отдать должного Оливье: тот не стал притворяться, будто принял извинения, а сказал наконец правду. Что пока он не готов прощать.

– А теперь? – спросила Анни.

– Полагаю, мы это увидим.

Глава вторая

– Замечательно. А вы как считаете?

Арман Гамаш посмотрел на почтенного пожилого человека, стоящего рядом с ним.

– Я согласен с вами, – кивнул старший инспектор.

Они помолчали несколько секунд, разглядывая картину. Прием был в самом разгаре – разговоры, смех, встречи друзей, представление незнакомых.

Но эти двое образовали отдельный мирок, маленький, тихий *quartier*⁶.

Они рассматривали повешенную сюда то ли намеренно, то ли случайно главную картину персональной выставки Клары Морроу. Ее работы, преимущественно портреты, висели на белых стенах главной галереи Музея современного искусства. Некоторые из них собрались вместе, словно хотели поговорить. Другие – в одиночестве, изолированно. Как эта.

Самый скромный из портретов на самой большой стене.

Без конкуренции и без компании. Островная нация. Суверенный портрет.

В одиночестве.

– Что вы чувствуете, глядя на эту картину? – спросил старик, бросив на Гамаша пронизывающий взгляд.

Старший инспектор улыбнулся:

– Понимаете, я вижу ее не в первый раз. Мы дружим с Морроу. Я присутствовал, когда Клара впервые вынесла этот портрет из своей мастерской.

– Счастливчик.

Гамаш пригубил великолепного красного вина из бокала и согласился. Счастливчик.

– Франсуа Маруа. – Старик протянул ему руку.

– Арман Гамаш.

Собеседник посмотрел на Гамаша внимательнее:

– *Désolé*⁷. Я должен был сразу вас узнать, старший инспектор.

– Вовсе нет. Меня больше устраивает, когда люди меня не узнают, – сказал Гамаш. – Вы художник?

Его новый знакомец был скорее похож на банкира. А может, на коллекционера? Словом, на человека с другого конца художественной цепочки. Лет семидесяти с небольшим. Состоятельный, в костюме, сшитом на заказ, и шелковом галстуке. Пользуется дорогим одеколоном. Очень тонкий запах. Волосы хотя и поредели, но безупречно и недавно подстрижены, лицо чисто выбрито, умные голубые глаза. Все это старший инспектор отметил быстро и инстинктивно. Франсуа Маруа казался одновременно эмоциональным и сдержанным и чувствовал себя как дома в этой богатой и довольно искусственной обстановке.

Гамаш оглядел зал, заполненный мужчинами и женщинами, которые переходили от одной картины к другой, разговаривали, чередовали закуску и вино. В середине гулкого пространства стояли две стилизованные неудобные скамейки. Скорее для интерьера, чем для использования. В другом конце зала он увидел Рейн-Мари, беседующую с какой-то женщиной. Нашел взглядом Анни. Дэвид уже приехал и, сняв куртку, направлялся к жене. Гамаш обшаривал взглядом зал, пока не нашел Габри и Оливье – они стояли бок о бок. Может, стоит подойти к Оливье и поговорить с ним?

И что сказать? Еще раз извиниться?

⁶ Здесь: уголок (фр.).

⁷ Здесь: прошу прощения (фр.).

Что, если Рейн-Мари права? Нужно ли ему прощение? Искушение? Хочет ли он, чтобы та ошибка была вычищена из его личного дела? Из того дела, которое он ежедневно вел сам в глубине души?

Из той бухгалтерской книги.

Хотел ли он, чтобы та ошибка была вычеркнута?

На самом деле он вполне мог прожить без прощения Оливье. Но, увидев его сейчас, почувствовал легкую *frisson*⁸ и опять спросил себя, нужно ли ему прощение. И готов ли Оливье простить его.

Он снова перевел взгляд на своего собеседника.

Гамаша всегда интересовало, почему лучшее искусство отображает человека и природу, человеческую и прочую, а вот сами галереи часто выглядят холодными и строгими. Они негостеприимны и далеки от естественности.

Впрочем, месье Маруа чувствовал себя здесь неплохо. Мрамор и острые углы казались его естественной средой обитания.

– Нет, – ответил Маруа на вопрос Гамаша. – Я не художник. – Он хохотнул. – Как это ни печально, но во мне нет творческой жилки. Подобно большинству моих коллег, зеленым мальчишкой я начал по-дилетантски заниматься искусством, но тут же обнаружил полнейшее, почти мистическое отсутствие всякого таланта. Вообще-то, меня это тогда сильно потрясло.

Гамаш рассмеялся:

– Так почему же вы здесь?

Старший инспектор знал, что сегодня в музее приватный прием перед открытием выставки для широкой публики. На вернисаж, в особенности в знаменитом монреальском музее, приглашались только избранные. Богатые, влиятельные, друзья художника и члены семьи. И художники. В таком порядке.

От художников на вернисаже не ждали ничего хорошего. Если они приходили одетые и трезвые, то большинство кураторов вздыхали с облегчением. Гамаш украдкой бросил взгляд на Клару: она выглядела испуганной и растрепанной в строгом деловом костюме, который не желал сидеть как положено. Юбка слегка перекрутилась, а воротник вздыбился, словно Клара пыталась почесать у себя между лопаток.

– Я торгую произведениями искусства.

Маруа протянул визитку, и Гамаш взял ее: черные буквы на кремовом фоне, только имя и номер телефона, ничего больше. Бумага плотная, печать с тиснением. Визитка отличного качества. Несомненно, для бизнеса такого же качества.

– Вы знаете работы Клары? – спросил Гамаш, засовывая визитку в карман пиджака.

– Нет. Но я приятельствую со старшим куратором музея, и она всучила мне буклет. Откровенно говоря, я был поражен. Там сказано, что мадам Морроу всю жизнь прожила в Квебеке и ей почти пятьдесят. И в то же время почти никто ее не знает. Словно она появилась из ниоткуда.

– Она появилась из Трех Сосен, – сказал Гамаш и, увидев недоумение на лице Маруа, добавил: – Это крохотная деревенька к югу от Монреаля, неподалеку от границы с Вермонтом. Про эту деревню почти никто не знает.

– Как и про Клару Морроу. Неизвестный художник из неизвестной деревни. И в то же время...

Месье Маруа раскинул руки в изящном и красноречивом жесте, указывающем на этот зал и происходящее в нем событие.

⁸ Досада (*фр.*).

Они оба снова вернулись к портрету на стене, изображающему голову и шуплые плечи очень старой женщины. Венозная, искалеченная артритом рука вцепилась в синюю шаль, прижимая ее к горлу. Шаль соскользнула, обнажив выступающую ключицу с натянувшейся кожей.

Но больше всего привлекало лицо женщины.

Она смотрела прямо на них. На это собрание, где позвякивали бокалы, шел живой разговор, раздавался смех.

Она была сердита. Исполнена презрения. Ненавидела то, что видела и слышала. Эту радость вокруг нее. Смех. Ненавидела мир, который ее отторгнул. Оставил висеть тут на стене. Смотреть, наблюдать, но не участвовать.

Это был великий дух, подобно Прометею обреченный на бесконечную муку. Озлобленный и мелочный.

Гамаш услышал, как рядом с ним кто-то охнул, и сообразил, что это означает: торговец предметами искусства Франсуа Маруа понял-таки суть картины. Не явный гнев – это было очевидно, – а что-то более сложное и тонкое. Маруа понял замысел Клары.

– Mon Dieu, – выдохнул месье Маруа. – Боже мой.

Он перевел взгляд с портрета на Гамаша.

В другом конце зала Клара кивала, улыбалась и почти ничего не воспринимала.

В ушах у нее стоял гул, в глазах все плыло, пальцы онемели. Она была на грани помешательства.

«Глубокий вдох, – повторяла она про себя. – Глубокий выдох».

Питер принес ей бокал вина, а ее подруга Мирна – тарелку с закусками, но Клару так трясло, что пришлось отказаться и от того и от другого.

Она прилагала все силы к тому, чтобы не казаться слабоумной. Новый костюм вызывал у нее зуд, и она поняла, что выглядит как бухгалтер. Из какой-нибудь страны прежнего Варшавского договора. Или из Китая. Бухгалтер-маоист.

Покупая этот костюм в шикарном бутике на рю Сен-Дени в Монреале, она вовсе не беспокоилась о внешнем виде. Ей просто хотелось перемены, чего-нибудь не похожего на ее обычные широкие юбки и платья. Чего-нибудь модного и элегантного. Чего-нибудь сообразного и не вычурного.

В магазине она выглядела великолепно, улыбалась улыбающейся продавщице в зеркале и рассказывала ей о своей грядущей персональной выставке. Она рассказывала об этом всем подряд. Водителям такси, официантам, парнишке, оказавшемуся рядом с ней в автобусе и отключенному от внешнего мира посредством наушников и айпода. Кларе было все равно. Она и ему рассказала.

И вот этот день настал.

Сегодня утром, сидя в своем саду в Трех Соснах, она позволяла себе думать, что все будет по-другому. Он представляла себе, как войдет через громадные двери матового стекла в конце коридора и будет встречена аплодисментами. Представляла, что будет выглядеть потрясающе в своем новом костюме. Художественное сообщество будет поражено. Ее окружают критики и кураторы, сгорающие от желания побыть с ней хоть минутку. Будут из кожи вон лезть, рассыпаясь в комплиментах, пытаясь найти подходящие слова – *les mots justes*, – чтобы описать ее творения.

Formidable⁹. Блестяще. Великолепно. Гениально.

Шедевры. Все до единого.

В своем тихом саду этим утром Клара закрыла глаза, подняла лицо к молодому солнцу и улыбнулась.

⁹ Потрясающе (*фр.*).

Мечта сбывается.

Совершенно незнакомые люди будут внимать каждому ее слову. Кто-нибудь, возможно, даже станет конспектировать. Будут восхищенно слушать, как она говорит о своем видении мира, своей философии, своем понимании искусства. В каком направлении оно движется и откуда.

Ею будут восторгаться, к ее словам будут уважительно прислушиваться. Умная и красивая. Элегантные женщины будут спрашивать, где она купила этот костюм. Она станет основательницей нового направления. Тренда.

Но вместо этого она чувствовала себя как грязнуля-невеста на заштатной свадьбе, где гости ее и не замечают, а заняты в первую очередь вином и закусками, где никто не хочет забрать у нее букет или отойти с ней в уголок для разговора. Или потанцевать с ней. И к тому же она выглядела как бухгалтер-маоист.

Она почесала бедро, размазала паштет в волосах. Потом посмотрела на часы.

Господи, еще целый час.

«Ах, нет, нет, нет», – подумала Клара. Сейчас она просто пыталась выжить. Удержать голову над водой. Не упасть в обморок, сдержать тошноту, не описаться. Ее новая цель состояла в том, чтобы сохранить сознание и невозмутимость.

– Ну, по крайней мере, ты не на костре.

– Что?

Клара повернулась и увидела перед собой необъятную чернокожую женщину в ярко-зеленом кафтане. Это была ее подруга и соседка Мирна Ландерс. В прошлом психотерапевт из Монреаля, а ныне владелица магазина новой и старой книги в Трех Соснах.

– Ты не на костре, – повторила Мирна. – По крайней мере сейчас.

– Это точно подмечено. А еще я не летаю. Есть много чего я «не».

– И есть много чего ты есть, – рассмеялась Мирна.

– Ты что, мне грубишь? – спросила Клара.

Мирна помедлила, разглядывая Клару, которая почти каждый день приходила в магазин Мирны, чтобы выпить чашечку чая и поболтать. Или же Мирна приходила на обед к Питеру и Кларе.

Но этот день был не похож на другие. Ни один другой день в прошлой жизни Клары не был похож на сегодняшний, и, возможно, в ее будущей жизни тоже не случится такого дня. Мирна знала всё про страхи Клары, про ее неудачи, ее разочарования. А Клара все знала про Мирну.

И каждая из них знала, о чем мечтает другая.

– Я понимаю, тебе нелегко, – сказала Мирна.

Она стояла перед Кларой, загораживая своей мощной фигурой весь зал, отчего то, что прежде казалось Кларе огромной толпой, превратилось вдруг в маленькое собрание. Тело Мирны представляло собой почти идеальной формы зеленый шар, блокирующий свет и звук. Они снова оказались в своем маленьком дружеском мире.

– Я хотела, чтобы все было идеально, – прошептала Клара, надеясь, что сумеет сдержать слезы.

Если другие маленькие девочки мечтали о дне свадьбы, то Клара мечтала о персональной выставке. В музее. В этом самом. Но она представляла себе все немного иначе.

– А кто это решает? Что могло бы сделать все идеальным?

Клара задумалась на секунду:

– Если бы мне не было так жутко.

– Да что такого ужасного может случиться? – тихо спросила Мирна.

– Они могут не принять мое искусство, решить, что у меня нет таланта, что я нелепая, смешная. Что эта выставка – страшная ошибка. Выставка потерпит неудачу, а я стану посмешищем.

– Вот уж точно, – улыбнулась Мирна. – Все это можно пережить. И что ты будешь делать после?

Клара снова задумалась:

– Сяду в машину с Питером и поеду домой в Три Сосны.

– И?..

– И мы с ним зададим сегодня вечеринку для друзей.

– И?..

– И завтра утром я встану...

Голос Клары смолк, когда она представила себе мир после апокалипсиса. Она проснется завтра утром и продолжит вести тихую жизнь в их деревеньке. Она вернется к прежнему: будет выгуливать собаку, выпивать на террасе, пить кофе с молоком и есть круассаны в бистро перед камином. Продолжится жизнь с обедами в тесном кругу друзей. С посиделками в саду. С чтением, размышлениями.

Работой в мастерской.

Что бы ни случилось в этом зале, ее жизнь не изменится.

– По крайней мере, я не на костре, – сказала она и ухмыльнулась.

Мирна взяла Клару за руки:

– Большинство людей пошли бы на убийство ради такого дня. Не дай ему пройти, не получив удовольствия. Клара, твои работы – настоящие шедевры.

Клара сжала руку подруги. Все те годы, месяцы, тихие дни, когда никто не замечал и знать не хотел, что делает Клара в своей мастерской, Мирна была рядом. И Мирна шептала в этой тишине: «Твои работы – шедевры».

И Клара отваживалась ей верить. Отваживалась продолжать. Ее поддерживали старые мечты и этот тихий одобрительный голос.

Мирна отступила на шаг, и Клара увидела этот зал по-новому. Он был заполнен людьми, а не угрозами. Люди получали удовольствие, развлекались. Они пришли отпраздновать первую персональную выставку Клары в Музее современного искусства.

– Merde! – проорал человек в ухо женщине, стараясь перекрыть гул других голосов в зале. – Все это чистое дерьмо. Ты можешь поверить, что Клара Морроу получила персональную выставку?

Женщина покачала головой и поморщилась. На ней была широкая юбка и обтягивающая футболка, шарфы на шее и на плечах, в ушах сережки размером с колесо, а на всех пальцах сверкали кольца.

В другом месте и в другое время ее сочли бы цыганкой. Но здесь ее принимали за того, кем она и была, – художницей средней руки.

Ее муж, тоже художник, облаченный в вельветовые брюки и поношенный пиджак, с щегольским шарфом на шее, отвернулся от картины:

– Ужасно.

– Бедняжка Клара, – согласилась его жена. – Критики ее растерзают.

Жан Ги Бовуар, стоявший рядом с художниками спиной к картине, повернулся и взглянул на нее.

На стене среди скопления портретов висело самое большое полотно. Три женщины, все очень старые, стояли тесной группкой и смеялись.

Они смотрели друг на друга, прикасались друг к другу, держали друг друга за руки, их головы соприкасались висками. Что бы ни было причиной их смеха, они делили его между

собой. Как они поделили бы и любое несчастье. Что бы ни случилось, они естественно разделили бы это между собой.

Эта картина говорила о чем-то большем, чем радость, даже большем, чем любовь, – она говорила о близости.

Жан Ги быстро повернулся к ней спиной. Он не мог смотреть на это полотно. Он принялся обшаривать зал взглядом, пока снова не нашел *ее*.

– Ты посмотри на них, – сказал человек с шарфом, разглядывая картину. – Не очень привлекательные существа.

Анни Гамаш находилась по другую сторону переполненной галереи, рядом с мужем Дэвидом. Они слушали какого-то старика. Взгляд у Дэвида был рассеянный, незаинтересованный. А у Анни сверкали глаза. Очарованная, она впитывала все, что видела и слышала.

Бовуар ощутил укол ревности – он хотел, чтобы таким же вот взглядом она смотрела на него.

«На меня, – отдал он ей телепатический приказ. – Смотри на меня».

– Да еще и смеются, – не унимался человек с шарфом, неодобрительно глядя на портрет трех старушек. – Тут нет никаких полутонув. С таким же успехом она могла написать клоунов.

Его спутница хохотнула.

В другом конце зала Анни Гамаш прикоснулась пальцами к руке мужа, но он, казалось, и не заметил этого.

Бовуар легонько прикоснулся одной своей рукой к другой. Вот что он бы почувствовал.

– А, вот вы где, Клара, – сказала старший куратор музея. Она взяла Клару за руку и отвела от Мирны. – Поздравляю. Это настоящий триумф!

Клара достаточно хорошо знала художников, чтобы понимать: на то, что они называют триумфом, другие люди вполне могут и не обратить внимания. И все же это было лучше пинка под задницу.

– Правда?

– Absolument¹⁰. Людям нравится.

Женщина восторженно обняла Клару за плечи. Ее очки представляли собой маленькие прямоугольники. Клара подумала, что, наверное, весь мир старшего куратора навечно искривлен чем-нибудь вроде астигматизма. Волосы у женщины были короткие и прямые, как и ее одежда. Она была невероятно бледна. Этакая ходячая инсталляция.

Но она была добра и нравилась Кларе.

– Очень мило, – сказала куратор, отходя на шаг назад и оценивая новый наряд Клары. – Мне нравится. Настоящее ретро, настоящий шик. Вы похожи... похожи... – Она покрутила руками, пытаясь вспомнить подходящее имя.

– На Одри Хепберн?

– C'est ça!¹¹ – Куратор хлопнула в ладоши и рассмеялась. – Вы наверняка зададите новый стиль в моде.

Клара тоже рассмеялась и немного влюбилась в куратора. В другом конце зала она увидела Оливье. И как всегда, Габри рядом с ним. Но если Габри увлеченно разговаривал с каким-то незнакомцем, то Оливье смотрел куда-то сквозь толпу.

Клара проследила за направлением его взгляда – оказалось, что смотрит он на Армана Гамаша.

– Ну так кого вы здесь знаете? – спросила куратор, обнимая Клару за талию.

Прежде чем та успела ответить, женщина начала показывать на разных людей в толпе.

¹⁰ Безусловно (*фр.*).

¹¹ Совершенно верно! (*фр.*)

– Их вы, вероятно, знаете. – Она кивнула на пару средних лет рядом с Бовуаром. Похоже, они обсуждали картину «Три грации». – Это команда из мужа и жены. Норман и Полетт. Он делает наброски, а она прорабатывает детали.

– Так работали мастера Ренессанса – в команде.

– Вроде того, – сказала куратор. – Но скорее как Христо и Жанна-Клод¹². Редко встречаются два художника, которые могут работать в таком согласии. Они и в самом деле очень хороши. И я вижу, они в восторге от ваших работ.

Клара не была с ними знакома, но подозревала, что сами они никогда бы не использовали слово «восторг».

– А это кто? – спросила Клара, показывая на почтенного пожилого человека рядом с Гамашем.

– Франсуа Маруа.

У Клары округлились глаза, и она обвела взглядом зал. Почему народ не осаждают знаменитого торговца произведениями искусства? Почему с месье Маруа говорит только Арман Гамаш, который даже и не художник? Если у этих вернисажей и была какая-то цель, то никак не воздать должное художнику, а скорее завязать полезные знакомства. И в этом смысле более полезного человека, чем Франсуа Маруа, трудно было себе представить. Но тут Клара поняла, что многие в этом зале даже не знают, кто он такой.

– Как вам, наверное, известно, он почти никогда не приходит на выставки, но я дала ему каталог, и он сказал, что ваши работы просто потрясающие.

– Правда?

Даже с учетом того, что среди людей искусства слово «потрясающий» имело гораздо меньшую цену, чем среди людей нормальных, это все равно можно было считать комплиментом.

– Франсуа знаком со всеми, у кого есть вкус и деньги, – сказала куратор. – Это большая удача. Если ему понравятся ваши работы, то успех вам обеспечен. – Куратор пригляделась внимательнее. – Я не знаю человека, с которым он разговаривает. Видимо, какой-то профессор, знаток истории искусства.

Прежде чем Клара успела сказать, что этот человек никакой не профессор, Маруа повернулся от портрета к Арману Гамашу. На его лице застыло изумленное выражение.

Что он такое увидел и что это значит?

– А вон там, – сказала куратор, показывая в другую сторону, – Андре Кастонге. Еще одна важная персона.

Взгляд Клары остановился на фигуре, хорошо известной в квебекском мире искусства. Если Франсуа Маруа был замкнут и нелюдим, то Андре Кастонге был всегда и везде, серый кардинал квебекского искусства. Месье Кастонге, чуть моложе Маруа, чуть выше, чуть тяжелее, был окружен кольцом людей. Внутренний кружок составляли критики различных влиятельных газет. Дальше стояли менее известные галеристы и критики. А в наружной части кольца толклись художники.

Они были планетами, а Андре Кастонге – солнцем.

– Позвольте я вас представлю.

– Потрясающе, – сказала Клара.

Мысленно она преобразовала это слово в другое, отвечающее тому смыслу, какой она в него вкладывала. *Merde*.

– Неужели это возможно? – спросил Франсуа Маруа, вглядываясь в лицо Гамаша. Гамаш посмотрел на старика и, слегка улыбнувшись, кивнул.

¹² Христо Явашев (р. 1935), Жанна-Клод де Гийебон (1935–2009) – супружеская пара американских художников.

Маруа снова посмотрел на портрет.

Гул в зале с прибытием новых гостей стал почти оглушающим.

Но Франсуа Маруа не мог оторвать глаз от одного лица – разочарованной старой женщины на холсте. Лица, исполненного осуждения и отчаяния.

– Ведь это святая Мария, верно? – почти шепотом спросил Маруа.

Старший инспектор не был уверен, что этот вопрос обращен к нему, а потому не ответил. Маруа увидел то, что было доступно лишь избранным.

На портрете Клары была изображена не просто сердитая старуха. Художница и в самом деле имела в виду Деву Марию. Состарившуюся. Забытую миром, который устал от чудес, начал относиться к ним настороженно. Миром, который был слишком занят, чтобы замечать, что камень откатился назад. К новым чудесам.

Это была Мария в последние годы жизни. Оставленная всеми, одинокая.

Она сердито смотрела в зал, наполненный веселыми людьми, попивающими вино. И проходящими мимо нее.

Кроме Франсуа Маруа, который оторвал взгляд от картины и снова посмотрел на Гамаша.

– Что сделала Клара? – тихо спросил он.

Гамаш немного помолчал, собираясь с мыслями, чтобы ответить на вопрос.

– Привет, слабоумный. – Рут Зардо всунула сухую руку в ладонь Бовуара. – Рассказывай, как у тебя дела.

Это был приказ. Мало у кого хватало духу игнорировать Рут. Но с другой стороны, мало кого Рут спрашивала о его делах.

– Прекрасно.

– Вранье, – отрезала старая поэтесса. – Дерьмовенько выглядишь. Отошал. Побледнел. Сморщился.

– Это в точности ваш портрет, старая пьяница.

Рут Зардо захихикала:

– Верно. Ты похож на озлобленную старуху. И это не комплимент, как может показаться.

Бовуар улыбнулся. Вообще-то, он с нетерпением ждал встречи с Рут. Он взглянул на эту высокую худую старуху, опирающуюся на палку. Волосы у Рут были седые, редкие и коротко подстриженные, отчего возникало впечатление голого черепа. Это казалось Бовуару символическим. Ничто рождавшееся в голове Рут не оставалось невыраженным, утаенным. Только сердце ее было закрыто.

Но оно проявлялось в ее стихах. Каким-то образом – ум Бовуара не мог постичь каким – Рут Зардо за ее стихи получила премию генерал-губернатора. Ни одного из ее стихотворений он не понимал. К счастью, понять Рут как человека было гораздо легче.

– Ты почему здесь? – спросила она, сверля его взглядом.

– А вы? Только не говорите, что приехали сюда из Трех Сосен, чтобы поддержать Клару.

Рут посмотрела на него как на сумасшедшего:

– Конечно не для этого. Я здесь по той же причине, по какой и все остальные. Бесплатная еда и выпивка. Но я уже свою норму выполнила. Ты поедешь потом на вечеринку в Три Сосны?

– Нас пригласили, но я, скорее всего, не поеду.

Рут кивнула:

– Хорошо. Мне больше достанется. Я слышала, ты развелся. Наверно, она тебе изменяла. Это вполне можно понять.

– Ведьма, – пробормотал Бовуар.

– Тупица, – откликнулась Рут.

Бовуар перевел взгляд куда-то в сторону, и Рут проследила за ним. Бовуар смотрел на молодую женщину в другом конце зала.

– Ты можешь найти кого-нибудь получше, чем она, – сказала Рут и почувствовала, как напряглась рука, которую она держала.

Ее собеседник молчал. Она устремила на него пронизательный взгляд и снова посмотрела на женщину, на которую уставился Бовуар.

Лет двадцати пяти с небольшим, не толстая, но и не худая. Не хорошенькая, но и не уродина. Не высокая, но и не коротышка.

Она казалась совершенно средненькой, совершенно непримечательной. Кроме одного. Эта молодая женщина излучала благополучие.

На глазах у Рут к той группе подошла женщина постарше, обняла молодую за талию, поцеловала.

Рейн-Мари Гамаш. Рут встречалась с ней несколько раз.

Умудренная жизнью старая поэтесса посмотрела на Бовуара с повышенным интересом.

Питер Морроу разговаривал с несколькими галеристами. Это были второстепенные фигуры в мире искусства, но и с ними не мешало поддерживать хорошие отношения.

Питер знал, что здесь Андре Кастонге, владелец галереи, и очень хотел поговорить с ним. Еще он заметил критиков из «Нью-Йорк таймс» и «Фигаро». Он скользнул взглядом по залу и увидел, что фотограф снимает Клару.

Она на мгновение отвернулась, поймала его взгляд, пожала плечами. Он приветственно поднял бокал и улыбнулся.

Может быть, ему стоит подойти к Кастонге и представиться? Но вокруг галериста собралась толпа, а Питер не хотел выставлять себя в глупом свете. Лучше держаться в стороне, словно ему ни к чему Андре Кастонге.

Питер снова перевел взгляд на владельца маленькой галереи, который говорил, что был бы рад устроить выставку работ Питера, но у него уже все расписано.

Краем глаза он увидел, как расступилось кольцо вокруг Кастонге, чтобы пропустить Клару.

– Вы спрашиваете, что я чувствую, когда смотрю на эту картину, – сказал Арман Гамаш. Они вдвоем смотрели на портрет. – Я чувствую себя успокоенным. Утешенным.

Франсуа Маруа удивленно посмотрел на него:

– Утешенным? Но почему? Может быть, вы радуетесь тому, что сами не озлоблены? Может быть, ее безмерный гнев делает ваше собственное чувство более приемлемым? Кстати, как мадам Морроу назвала эту картину?

Маруа снял очки и наклонился к бирке, прикрепленной к стене. Потом он отступил назад, с лицом еще более озадаченным, чем прежде.

– Она называется «Тихая жизнь». Интересно почему?

Маруа снова принялся разглядывать портрет, а Гамаш увидел, что Оливье идет по залу, глядя на него. Старший инспектор приветственно улыбнулся и не был удивлен, когда Оливье отвел взгляд в сторону.

По крайней мере, он знал почему.

Рядом с ним Маруа выдохнул:

– Понимаю...

Гамаш снова посмотрел на торговца картинами. Маруа больше не удивлялся. Налет сдержанности и умудренности как рукой сняло, на лице появилась искренняя улыбка.

– Все дело в ее глазах, верно?

Гамаш кивнул.

Тогда Маруа наклонил голову, глядя не на портрет, а в толпу. Глядя с недоумением. Он снова повернулся к картине, потом снова к толпе.

Гамаш проследил за его взглядом и не удивился, увидев, что глаза его собеседника устремлены на пожилую женщину, которая разговаривает с Жаном Ги Бовуаром.

Рут Зардо.

Бовуар имел раздраженный вид, как это нередко случалось с людьми, находящимися близ Рут Зардо. Зато у той было вполне довольное выражение.

– Ведь это она, верно? – спросил Маруа возбужденным и тихим голосом, словно не хотел, чтобы кто-то еще узнал его тайну.

Гамаш кивнул:

– Соседка Клары по Трем Соснам.

Маруа как зачарованный смотрел на Рут. Для него картина словно ожила. Потом они с Гамашем одновременно повернулись к портрету.

Клара написала ее в образе забытой и озлобленной Девы Марии. Изнуренной прожитыми годами, злостью, обидами, настоящими и надуманными. Преданной дружбой. Отказом в заслуженном уважении и любви. Но было в ней и что-то еще. Туманная догадка в этих усталых глазах. О чем-то еще невидимом. Скорее об обещании. Далеком слухе.

Все мазки кисти, все составляющие, все цвета и оттенки свелись к двум крохотным деталям. Двум белым точкам.

В ее глазах.

Клара Морроу уловила момент, когда отчаяние сменяется надеждой.

Франсуа Маруа отошел на полшага и мрачно кивнул:

– Это удивительно. Прекрасно. – Потом Гамашу: – Если только это не обман.

– Вы о чем? – спросил Гамаш.

– Может быть, это вовсе и не надежда, – сказал Маруа, – а всего лишь игра света.

Глава третья

На следующее утро Клара поднялась рано. Надела резиновые сапоги, свитер поверх пижамы, налила себе кофе и села в деревянное садовое кресло за домом.

Официанты выездного ресторана все прибрали, и не осталось никаких свидетельств вчерашнего приема с множеством гостей, барбекю и танцами.

Клара закрыла глаза и подставила лицо молодому июньскому солнцу, слушая птичий щебет на рокочущей речушке Белла-Белла в конце их сада. Чуть меньший шум производили шмели, они летали вокруг пионов, ползали по бутонам, залезали внутрь. Исчезали.

Суетились без дела.

Все это казалось комичным, смешным. Правда, столько всего вокруг казалось смешным, если не знать подоплеки.

Клара Морроу держала в руках теплую кружку, вдыхала аромат кофе и свежескошенной травы. Сирени, пионов и молодых, пахучих роз.

Это была та самая деревня, которая появлялась, когда маленькая Клара залезала с головой под одеяло. Деревня, прятавшаяся за тонкой деревянной дверью ее спальни. Там, по другую сторону двери, спорили ее родители; там братья не замечали ее; там звонил телефон, но никогда – ей; там на нее смотрели так, будто ее и не было, – сквозь нее на кого-то другого. На кого-то красивее. Интереснее. А на Клару там натыкались, будто она была невидимкой, обрывали ее на полуслове, будто она и не говорила.

Но когда она закрывала глаза и натягивала одеяло на лицо, ей представлялась маленькая миленькая деревня в долине. С лесами, цветами и добрыми людьми.

Где суетиться без дела – добродетель.

Сколько Клара себя помнила, она хотела только одного, хотела даже больше, чем персональной выставки. Не богатства, не власти, даже не любви.

Клара Морроу хотела быть своей. И вот, когда ей скоро пятьдесят, эта ее мечта сбылась.

Что, если выставка была ошибкой? Согласившись на выставку, не отделила ли она себя от других?

Перед ее мысленным взором всплывали сцены прошедшего вечера. Ее друзья, другие художники, Оливье, который перехватывал ее взгляд и одобрительно кивал. Радость, которую она испытала, познакомившись с Андре Кастонге и другими. Счастливое лицо куратора. Барбекю в деревне. Еда, выпивка и фейерверк. Живой оркестр и танцы. Смех.

Облегчение.

Но при свете дня тревога вернулась. Хуже всего было не в разгар шторма, но при легком тумане, приглушавшем солнечный свет.

И Клара знала почему.

Питер и Оливье уехали за газетами. Чтобы привезти слова, которых она ждала всю жизнь. Рецензии. Отзывы критиков.

Блестящая. Провидческая. Виртуозная.

Скучная. Подражательная. Предсказуемая.

Что там будет написано?

Клара сидела, прихлебывала кофе и пыталась не думать об этом. Не замечать, как удлиняются тени, подползают к ней с ходом времени.

Раздался хлопок автомобильной двери, и Клара съежилась на своем кресле – резкий звук вернул ее к реальности.

– Мы верну-у-улись, – пропел Питер.

Клара слышала шаги, приближающиеся к ней, огибающие коттедж. Она вскочила, повернулась и увидела Питера и Оливье. Но они не шли к ней – они стояли без движения. Словно превратились в больших садовых гномов.

И смотрели не на нее, а на клумбу.

– Что там? – спросила Клара, направляясь к ним, ускоряя шаг при виде выражения на их лицах. – Что случилось?

Питер повернулся и, уронив газеты на траву, остановил Клару, чтобы она не подходила ближе.

– Вызывай полицию, – сказал Оливье.

Он подался вперед, к клумбе многолетников с пионами, дицентрой и маками.

И с чем-то еще.

Старший инспектор Гамаш выпрямился и вздохнул.

Сомнений не осталось. Убийство.

У женщины, лежавшей у его ног, была сломана шея. Если бы она лежала внизу лестничного пролета, он, возможно, и подумал бы, что это несчастный случай. Но она лежала на спине в цветочной клумбе. На мягкой траве.

Глаза открыты. Устремлены прямо на солнце, близящееся к полудню.

Гамаш почти ждал, что она моргнет.

Он оглядел аккуратный сад. Знакомый сад. Как часто стояли они здесь с Питером, Кларой и другими, со стаканом пива в руке, пока готовилось барбекю. Стояли и разговаривали.

Но не сегодня.

Питер и Клара, Оливье и Габри находились у реки. Смотрели. Их с Гамашем разделяла желтая ленточка, великий водораздел. На одной стороне следователи, на другой – подсудимые.

– Женщина, белая, – произнесла коронер доктор Харрис.

Она, как и агент Изабель Лакост, стояла на коленях рядом с убитой. Инспектор Жан Ги Бовуар руководил выездной бригадой криминалистов из Квебекской полиции. Они методически прочесывали территорию. Собирали улики. Фотографировали. Тщательно, внимательно делали криминалистическую работу.

– Средних лет, – продолжал звучать голос коронера.

Беспристрастный голос. Ничего, кроме фактов.

Старший инспектор Гамаш внимательно слушал. Он, как никто другой, знал цену факта. Но еще он знал, что убийца редко обнаруживается в фактах.

– Крашеная блондинка, у корней волос видна седина. Вес слегка избыточный. Кольца на безымянном пальце нет.

Факты были необходимы. Они указывали направление, из них сплеталась сеть. Но убийца обнаруживался, когда ты следовал не только фактам, но и чувствам. Тем злобным эмоциям, которые превращают человека в убийцу.

– Шея сломана на втором позвонке.

Старший инспектор Гамаш слушал и наблюдал. Знакомая рутинная работа. Но всегда вызывающая ужас.

Тот факт, что один человек забрал жизнь у другого, всегда потрясал его, хотя он много лет проработал главой отдела по расследованию убийств знаменитой Квебекской полиции. Повидал множество убийств. И убийц.

И каждый раз поражался тому, что один человек забрал жизнь другого.

Питер Морроу смотрел на красные туфли, торчащие из клумбы. Он были надеты на ноги, а ноги принадлежали мертвой женщине, чье тело лежало в траве его сада. Он не видел тела за

высокими цветами. Но ноги видел. Он отвернулся. Попытался сосредоточиться на чем-нибудь другом. На следователях, на Гамаше и его команде – вот они тут сгибаются, наклоняются, бормочут что-то, словно хором читают молитву. Совершают какой-то темный ритуал в его саду.

Питер обратил внимание, что Гамаш никогда не делал заметок. Он только слушал и уважительно кивал. Задавал вопросы, смотрел задумчиво. Заметки на память делали другие. В данном случае агент Лакост.

Питер пытался отвлечься, сосредоточиться на красоте сада.

Но его глаза постоянно возвращались к телу на клумбе.

Неожиданно Гамаш быстро повернулся и посмотрел на него. И Питер тут же инстинктивно опустил глаза, словно сделал что-то стыдное.

Он сразу пожалел об этом и поднял голову, но старший инспектор больше не искал его взгляда – он шел к нему.

Питер хотел было отвернуться этак небрежно. Будто его привлек какой-то звук – олень в лесу по другую сторону речушки.

Он начал поворачиваться, но заставил себя остановиться.

Ему незачем прятать глаза, сказал он себе. Он не совершил ничего предосудительного. А наблюдать за действиями полиции – что ж, это естественное человеческое желание.

Разве нет?

Но Питер Морроу, всегда такой уверенный, чувствовал, что земля уходит у него из-под ног. Он больше не знал, что естественно, а что – нет. Не знал, что ему делать с руками, глазами, со всем телом. Со своей жизнью. Со своей женой.

– Клара, – сказал Гамаш, протягивая ей руку, а потом поцеловал Клару в обе щеки.

Если другие следователи и сочли странным, что их шеф целует подозреваемую, то ничем этого не показали. А Гамашу явно было все равно.

Он обошел группку, каждому пожал руку. Последним он подошел к Оливье, явно давая тому время подготовиться. Гамаш протянул руку. Все замерли, вдруг забыв о мертвом теле.

Оливье, не раздумывая, протянул руку, вот только в глаза Гамашу не смог заставить себя посмотреть.

Старший инспектор улыбнулся им едва заметной, чуть ли не извиняющейся улыбкой, словно тело оказалось здесь по его вине. Питер подумал: неужели так и начинаются всякие жизненные кошмары? Не с удара грома. Не с крика. Не с воя сирен. А с улыбки. Надвигалось что-то страшное, но оно было любезно и хорошо воспитано.

Правда, что-то ужасное уже успело побывать здесь и ушло. Оставив после себя мертвое тело.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Гамаш, снова возвращаясь к Кларе.

Это был не пустой вопрос. Старший инспектор выглядел искренне озабоченным.

Питер испытал облегчение, когда этот человек снял с него груз этого тела, взвалил на свои широкие, крепкие плечи.

Клара помотала головой.

– Я просто ошеломлена, – сказала она наконец и оглянулась. – Кто она?

– Вы не знаете?

Гамаш перевел взгляд с Клары на Питера, потом на Габри и на Оливье. Каждый из них покачал головой в знак отрицания.

– Она не была гостьей на вашей вечеринке?

– Наверно, была, – сказала Клара. – Но я ее не приглашала.

– Кто она? – спросил Габри.

– Вы на нее посмотрели? – упорно продолжал Гамаш, который еще не был готов ответить на этот вопрос.

Все кивнули.

– Мы вызвали полицию, а потом я вернулась в сад посмотреть, – сказала Клара.

– Зачем?

– Я должна была посмотреть, знаю ли я ее, – ответила Клара. – Может быть, это кто-то из друзей или соседей.

– Она ни то и ни другое, – вмешался Габри. – Я готовил завтрак в нашей гостинице, когда позвонил Оливье и сообщил, что случилось.

– И вы пришли сюда? – спросил Гамаш.

– А вы бы не пришли? – ответил вопросом на вопрос Габри.

– Ну, я ведь детектив, – сказал Гамаш. – Это моя обязанность. Про вас такого не скажешь.

– А я – любопытный сукин сын, – сказал Габри. – В некотором роде это тоже моя обязанность. И, как и Кларе, мне нужно было посмотреть, не знаю ли я ее.

– Кому-нибудь еще вы говорили? – спросил Гамаш. – Кто-нибудь еще заходил в сад посмотреть?

Они снова покачали головой.

– Значит, вы все внимательно посмотрели и никто ее не узнал?

– Так кто она? – еще раз спросила Клара.

– Мы не знаем, – признался Гамаш. – Она упала на свою сумочку, а доктор Харрис пока не хочет ее перемещать. Но скоро мы узнаем.

Габри неуверенно спросил у Оливье:

– Она тебе ни о чем не напоминает?

Оливье хранил молчание. И тут Питер произнес:

– Ведьма мертва?

– Питер, – быстро сказала Клара. – Женщину убили и оставили в нашем саду. Что за ужасные вещи ты говоришь!

– Прошу прощения, – пробормотал Питер, потрясенный собственными словами. – Но она и в самом деле похожа на Злую Ведьму Запада с этими ее красными туфлями¹³.

– Мы не говорим, что она ведьма, – поспешил вставить Габри. – Но вы не можете отрицать, что в такой одежде она похожа на жительницу Канзаса.

Клара закатила глаза, покачала головой и пробормотала:

– Господи Иисусе.

Но Гамаш вынужден был признать: он со своей командой говорил о том же. Нет, убитая не напоминала им Ведьму Запада, но она явно была одета не для барбекю в саду.

– Я ее вчера не видел, – сказал Питер.

– А мы бы ее запомнили, – заговорил наконец Оливье. – Таковую не забудешь.

Гамаш кивнул. Он вполне мог это понять. В таком блестящем красном платье убитая явно выделялась бы на общем фоне. Все в этой женщине кричало: «Посмотрите на меня!»

Он снова взглянул на убитую, пытаясь вспомнить, не было ли вчера на вернисаже кого-то в ярко-красном платье. Возможно, она приехала прямо оттуда, как, предположительно, и большинство гостей. Но никого похожего он не вспомнил. Большинство женщин (за примечательным исключением Мирны) были облачены не в столь яркие одежды.

И тут ему в голову пришла одна мысль.

– Excusez-moi¹⁴.

Он быстро пошел по газону к Бовуару, перекинулся с ним несколькими словами, а потом вернулся, уже не так быстро, о чем-то думая.

¹³ Персонаж из книги Л. Ф. Баума «Удивительный волшебник страны Оз».

¹⁴ Прошу прощения (*фр.*).

– По дороге сюда я прочел отчет, но хотел бы услышать от вас лично, как было обнаружено тело.

– Первыми ее увидели Питер и Оливье, – сказала Клара. – Я сидела в кресле. – Она махнула рукой, показывая на желтое садовое кресло, одно из двух. На деревянном подлокотнике все еще стояла кружка с кофе. – Они поехали за газетами в Ноултон, а я сидела ждала их.

– А зачем газеты?

– Рецензии.

– Ах да, конечно. И теперь мне ясно, откуда... – Он показал на пачку газет, лежащих на траве за желтой полицейской лентой.

Клара тоже посмотрела на газеты. Ей хотелось бы сказать, что она совсем забыла о рецензиях, когда обнаружилась страшная находка, но это было бы неправдой. «Нью-Йорк таймс», торонтская «Глоуб энд мейл», лондонская «Таймс» лежали на земле там, где выпали из руки Питера.

Вне пределов ее досягаемости.

Гамаш недоуменно посмотрел на Клару:

– Но если вам так хотелось прочитать рецензии, то почему не посмотрели в Интернете? Рецензии там должны были появиться несколько часов назад. Разве нет?

Тот же самый вопрос задавал ей и Питер. И Оливье. Как это объяснить?

– Потому что я хотела держать газеты в руках, – ответила Клара. – Я хотела прочитать рецензии обо мне так, как я читаю рецензии о других художниках, которых люблю. Я должна была потрогать газетную бумагу. Ощутить ее запах. Полистать страницы. Я всю жизнь мечтала об этом. Мне казалось, это стоит лишнего часа ожидания.

– Значит, вы около часа просидели сегодня утром в саду?

Клара кивнула.

– В какой промежуток времени это было? – спросил Гамаш.

– Приблизительно с семи тридцати до их возвращения около восьми тридцати. – Клара посмотрела на Питера.

– Все верно, – подтвердил Питер.

– Что вы увидели, когда вернулись? – спросил Гамаш у Питера и Оливье.

– Мы вышли из машины, а поскольку мы знали, что Клара сидит в саду, то решили идти прямо сюда. – Питер показал на угол дома, где на старом сиреневом кусте еще оставались последние цветы весеннего сезона.

– Я шел за Питером, и вдруг он остановился, – сказал Оливье.

– Когда мы обогнули дом, я увидел на земле что-то красное, – продолжил Питер. – Кажется, я подумал, что это упавший мак. Но размеры были слишком велики. Поэтому я остановился и посмотрел. И тогда увидел, что это женщина.

– И что вы сделали?

– Я решил, что это кто-то из гостей – может, перебрала вчера и вырубилась, – сказал Питер. – Проспала всю ночь у нас в саду. Но когда я увидел, что глаза у нее открыты, а голова...

Он вывернул свою голову, но, конечно, не смог продемонстрировать того угла. Такой подвиг доступен только мертвым.

– А вы? – обратился Гамаш к Оливье.

– Я попросил Клару вызвать полицию, – ответил Оливье. – Потом я позвонил Габри.

– Вы говорите, у вас были гости? – спросил Гамаш. – Люди с вернисажа?

Габри кивнул:

– Пара художников, приехавших из Монреаля, решили остановиться в нашей гостинице. Другие предпочли гостиницу со спа-салонем.

– Они заказывали номера заранее?

– Что касается нашей гостиницы, то нет. Договорились прямо во время вечеринки.

Гамаш кивнул, повернулся и помахал агенту Лакост. Та быстро подошла к нему, выслушала распоряжение и направилась к двум молодым агентам, которые, кивнув, удалились.

Клару всегда поражало, как легко начальствует Гамаш и как естественно люди исполняют его приказы. Он никогда не кричал, не выходил из себя, не был резким. Всегда отдавал приказы самым спокойным и вежливым тоном. Его приказы были похожи на просьбы. Но никто из подчиненных не ошибался на сей счет.

Гамаш снова обратился к четверым друзьям:

– Кто-нибудь из вас прикасался к телу?

Они переглянулись и покачали головой.

– Нет, – сказал Питер.

Теперь он чувствовал себя увереннее. На прямые вопросы следовали четкие ответы.

Опасаться нечего.

– Если вы не возражаете... – Гамаш направился к садовому креслу.

Даже если бы они возражали, это не имело бы значения. Он шел туда и приглашал их за собой.

– До их возвращения, когда вы сидели тут в одиночестве, вы не заметили ничего странного? – спросил он на ходу.

Казалось очевидным, что если бы Клара увидела тело в саду, то сказала бы об этом раньше. Но он хотел знать не о теле. Это был сад Клары, она знала в нем каждый уголок. Может быть, она заметила еще что-то необычное. Сломанное растение, помятый куст.

Какую-нибудь деталь, упущенную его командой. Что-то столь незаметное, на что даже она не обратила внимания, пока он не задал этого вопроса.

И к ее чести, она не выступила с какой-нибудь неуместной репликой.

Это сделал Габри:

– Вы имеете в виду тело?

– Нет, – ответил Гамаш, когда они подошли к креслу. Он развернулся и оглядел сад с этого места. Да, увидеть отсюда убитую было невозможно – ее закрывали цветочные клумбы. – Я имею в виду что-нибудь другое.

Он обратил вдумчивый взгляд на Клару.

– Есть в вашем саду сегодня утром что-нибудь необычное? – Он предостерегающе посмотрел на Габри, и тот приложил палец к губам. – Что-нибудь незначительное? Какая-нибудь мелочь?

Клара огляделась. На газоне с задней стороны дома было несколько больших цветочных клумб. Некоторые круглые, некоторые удлиненные. Высокие деревья вдоль берега реки отбрасывали пятнистые тени, но большая часть участка купалась в лучах полуденного солнца. Клара, как и остальные, прощупала весь сад взглядом.

Было ли в нем что-то необычное? Сейчас трудно было сказать – столько народа, газеты на траве, работающие криминалисты, желтая полицейская лента. Газеты. Тело. Газеты.

Все было необычным.

Клара снова посмотрела на Гамаша, умоляя глазами о помощи.

Гамашу не хотелось помогать ей, не хотелось давать подсказки, услышав которые она может увидеть то, чего на самом деле не существует.

– Не исключено, что убийца прятался здесь, – сказал он наконец. – Выжидал.

Он не стал развивать эту мысль, увидев, что Клара поняла. Она повернулась к саду. Неужели человек, замысливший убийство, ждал здесь? В ее святилище?

Прятался среди цветочных клумб? Сидел на корточках за высокими пионами? Стоял на коленях за растущими флоксами?

Ждал?

Она осмотрела все многолетники, все кусты, проверяя, не упало ли что-нибудь на траву, не сломана ли ветка, не сорван ли бутон.

Но все было в идеальном порядке. Мирна и Габри несколько дней трудились в саду, чтобы он выглядел безупречно к вечеринке. Он и выглядел безупречно. Вчера. И сегодня утром.

Вот только полицейские, словно жуки, ползали повсюду. И тело в ярко-красном платье лежало на клумбе. Разрушенное очарование.

– Ты ничего не видишь? – спросила она у Габри.

– Нет, – ответил он. – Если убийца и прятался здесь, то не в клумбах. Может быть, за каким-нибудь деревом?

Он махнул рукой в сторону кленов, но Гамаш покачал головой:

– Слишком далеко. Ему понадобилось бы много времени, чтобы пересечь газон, обойти клумбы. Жертва увидела бы его.

– Так где же он прятался? – спросил Оливье.

– Он не прятался, – сказал Гамаш, садясь в кресло.

С этого места увидеть убитую было невозможно. Нет, Клара не видела тела.

Старший инспектор поднялся:

– Он не прятался. Он ждал на виду.

– И она подошла прямо к нему? – спросил Питер. – Она его знала?

– Или же он подошел к ней, – сказал Гамаш. – В любом случае ничто ее не насторожило, не напугало.

– Но что она здесь делала? – спросила Клара. – Тут готовили барбекю. – Она показала на газон. – Всё было здесь. Еда, выпивка, музыка. Ресторанная бригада поставила столики перед фасадом дома.

– Но если кто-то захотел бы, то он мог обойти дом? – спросил Гамаш, пытаясь воссоздать обстановку вчерашнего вечера.

– Конечно, – ответил Оливье. – Если кто хотел – тут не было ни ограждения, ни натянутых веревок. Какая в них нужда?

– Понимаете... – начала Клара.

Все повернулись к ней.

– Понимаете, я сюда вчера не заходила, в отличие от других вечеринок, когда, случалось, забегала передохнуть здесь минутку-другую.

К общему удивлению, Габри кивнул:

– Я иногда делаю то же самое. Чтобы побыть несколько минут наедине.

– А вчера вы сюда не заходили? – спросил Гамаш.

Габри покачал головой:

– Слишком много было дел. У нас была выездная бригада из ресторана, но все равно за ними нужно присматривать.

– Значит, убитая могла зайти сюда на минутку, – сказал Гамаш. – Она могла и не знать, что это ваш дом. – Он посмотрел на Клару и Питера. – Просто выбрала уединенное место, подальше от людей.

После этих слов на несколько секунд воцарилось молчание. Они представляли себе женщину в красном кричащем платье. Вот она проскользнула мимо старого кирпичного дома. Подальше от музыки, от фейерверка, от людей, смотрящих на нее.

Чтобы несколько минут побыть в тишине и покое.

– Непохоже, чтобы она была робкого десятка, – заметил Габри.

– Как и вы, – сказал Гамаш, слегка улынувшись.

Он еще раз окинул взглядом сад.

Тут был один вопрос. Нет, вопросов было много, но в данный момент старшего инспектора интересовало, почему никто из этих четверых не видел убитую живой, среди гостей.

– Bonjour.

К ним подошел инспектор Жан Ги Бовуар. При его приближении на лице Габри появилась улыбка, и он протянул руку.

– Я начинаю думать, что вы приносите несчастье, – сказал Габри. – Стоит вам приехать в Три Сосны, как здесь обнаруживается труп.

– А я думаю, что вы их специально привозите, чтобы мне не было скучно, – откликнулся Бовуар, тепло пожимая руку Габри, потом Оливье.

Они видели друг друга вчера на вернисаже. Тогда они находились на территории Питера и Клары. В галерее. Но здесь была территория Бовуара – место преступления.

Искусство пугало его. Но если на стену повесить мертвое тело, тут он был в своей стихии. Или если, как в данном случае, спрятать тело в саду. Это он понимал. С этим все было просто. Всегда просто.

Кто-то так ненавидел жертву, что убил ее.

Его работа состояла в том, чтобы найти убийцу и упрятать его в тюрьму.

Тут не было места для субъективного. Не стояло вопроса, плохо или хорошо. Никто не говорил о перспективе и оттенках. О тенях. И нечего тут было понимать. Нужно было принимать мир таким, какой он есть.

Собирать факты. Выстраивать их в определенном порядке. Искать убийцу.

Да, это было просто, хотя голову нередко приходилось ломать.

Но Бовуар готов был променять любой вернисаж на убийство.

Хотя, как и все остальные, он подозревал, что убийство и вернисаж здесь взаимосвязаны.

Эта мысль тревожила его.

– Вот фотография, которую вы просили. – Бовуар протянул старшему инспектору снимок.

Гамаш посмотрел на него:

– Merci. C'est parfait¹⁵. – Он оглядел четверку своих собеседников. – Я бы хотел, чтобы вы посмотрели эти фотографии убитой.

– Но мы ее уже видели, – возразил Габри.

– Так ли? Когда я спросил, видели ли вы ее на вечеринке, вы все сказали, что ее трудно было бы не заметить в этом красном платье. Я думал так же. Когда я попытался вспомнить, видел ли я ее вчера на вернисаже, то на самом деле вспоминал, не попадалась ли мне на глаза женщина в ярко-красном. Я вспоминал платье, а не женщину.

– И что? – спросил Габри.

– Предположим, она поменяла платье, – сказал Гамаш. – Возможно, она была на вернисаже в чем-то другом, более консервативном. Она могла приехать сюда...

– И в разгар вечеринки переодеться в красное платье? – недоуменно спросил Питер. – Зачем бы ей это понадобилось?

– А зачем кому-то понадобилось ее убивать? – парировал Гамаш. – Как мог совершенно незнакомый человек оказаться на вечеринке? Вопросов всяких много, и я не говорю, что нашел ответ, но есть вероятность, что платье произвело на вас сильное впечатление и вы не обратили внимания на лицо.

Он поднял фотографию:

– Вот как она выглядит.

Он протянул снимок сначала Кларе. Глаза женщины теперь были закрыты. Лицо спокойное, чтобы не сказать расслабленное. Даже во сне на лице остаются признаки жизни. На фотографии лицо было пустое. Без всякого выражения. Никаких мыслей, никаких эмоций.

¹⁵ Спасибо. Великолепно (фр.).

Клара отрицательно покачала головой и передала фотографию Питеру. Снимок обошел всех, и у всех реакция была одинаковая.

Ничего.

– Коронер готова переместить тело, – сказал Бовуар.

Гамаш кивнул и сунул фотографию в карман. Он знал, что у Бовуара, Лакост и других будут свои копии. Извинившись, они с Бовуаром направились к телу.

Два санитары стояли у носилок, ожидая команды переложить на них убитую женщину и отнести в машину. Тут же стоял фотограф. Все смотрели на старшего инспектора Гамаша, ждали его приказа.

– Вы можете сказать, когда она умерла? – спросил Бовуар у коронера, которая только что встала и начала разминать затекшие ноги.

– От двенадцати до пятнадцати часов назад, – ответила доктор Харрис.

Гамаш посмотрел на часы, произвел несложные расчеты. Сейчас было воскресенье, половина двенадцатого. Это означало, что вчера в половине девятого неизвестная была жива, а к полуночи уже мертва. Воскресенья она так и не увидела.

– Никаких явных следов сексуального или какого-либо иного насилия, если не считать сломанной шеи, – сказала доктор Харрис. – Смерть наступила мгновенно. Никакой борьбы. Я думаю, убийца встал у нее за спиной и свернул ей шею.

– Так просто, доктор Харрис? – спросил старший инспектор.

– Боюсь, что так. В особенности если жертва не ожидала ничего подобного. Если она была расслаблена и ее застали врасплох, то никакого сопротивления с ее стороны быть не могло. Одно быстрое движение – и шея свернута.

– Но многие ли знают, как ломать шею? – спросила агент Лакост, разглаживая на себе брюки.

Как и большинство квебекцев, она была небольшого роста и умела выглядеть изящной, даже если одевалась непритязательно для выезда за город.

– Для этого ничего особенного не требуется, – ответила доктор Харрис. – Одно движение. Но не исключено, что у убийцы был запасной план. Задушить ее, если не удастся сломать шею.

– Вы говорите об этом как о бизнес-плане, – заметила Лакост.

– Может, так оно и было, – сказала коронер. – Холодный, расчетливый человек. Чтобы сломать кому-то шею, не нужно много сил, но поверьте, эмоционально это очень трудно. Вот почему большинство убийств совершается огнестрельным оружием или ударом дубинкой по голове. Или даже ударом ножа. Пусть убийство будет совершено не собственными руками, а чем-то другим. Не в борьбе, а в рассчитанном, хладнокровном деянии. Нет, – сказала доктор Харрис, отворачиваясь от тела. – Для этого нужен человек особого склада.

– Что вы имеете в виду под «особым складом»? – спросил Гамаш.

– Вы прекрасно знаете, что я имею в виду, старший инспектор.

– Но я хочу, чтобы вы прояснили свою мысль.

– Это человек, которому было абсолютно все равно, психопат. Или человек, которому было очень, очень не все равно. Который хотел сделать это собственными руками. В буквальном смысле забрать эту жизнь.

Доктор Харрис посмотрела на Гамаша, и тот кивнул:

– Merci.

Он подал знак санитарам, и они подняли тело и положили на носилки. Мертвую женщину накрыли простыней и унесли. Больше ей уже никогда не лежать на солнце.

Фотограф принялся шелкать аппаратом; вокруг места, где лежала убитая, сомкнулась команда криминалистов. Начался сбор улик с того места, где лежало тело. Включая и сумочку.

Все найденное было аккуратно каталогизировано, проверено, сфотографировано, данные распечатаны и принесены Бовуару.

Губная помада, тональный крем, пачка влажных салфеток, ключи от машины, ключи от дома и бумажник.

Бовуар раскрыл бумажник, прочитал фамилию на водительских правах и протянул права старшему инспектору:

– У нас есть имя, шеф. И адрес.

Гамаш посмотрел на права, потом на четырех местных жителей, поедавших его глазами. Он пересек газон и подошел к ним.

– Мы знаем, кто убитая. – Гамаш заглянул в права. – Лилиан Дайсон.

– Что? – воскликнула Клара. – Лилиан Дайсон?

Гамаш впился в нее взглядом:

– Вы ее знаете?

Клара недоуменно посмотрела на Гамаша, потом устремила взгляд куда-то за рокоющую Белла-Беллу, в дальний лес.

– Конечно нет, – прошептала она.

– Кто она? – спросил Габри, но Клара словно погрузилась в ступор – она смотрела на лес.

– Позвольте мне еще раз взглянуть на фотографию, – сказала она наконец.

Гамаш протянул ей водительские права. Фотография там была так себе, но явно лучше, чем сделанная сегодня утром. Клара вгляделась в нее, потом глубоко, протяжно вздохнула и, прежде чем выпустить из себя воздух, задержала дыхание.

– Может, это она. Волосы другие. Блондинка. И она гораздо старше. Полнее. Но возможно, это она.

– Кто? – еще раз спросил Габри.

– Лилиан Дайсон, конечно, – ответил Оливье.

– Да это я уже слышал, – огрызнулся Габри. – Но кто она такая?

– Лилиан была...

Питер замолчал, когда Гамаш поднял руку. Не угрожающе, а чтобы остановить Питера. И Питер замолчал.

– Сначала я должен услышать это от Клары, – сказал старший инспектор. – Не хотите поговорить со мной наедине?

Немного подумав, Клара кивнула.

– Что? Без нас? – возмутился Габри.

– Извини, *mon beau*¹⁶ Габри, – сказала Клара. – Но я хочу поговорить с ними приватно.

Габри посмотрел на нее обиженным взглядом, но принял неизбежное. Они с Оливье пошли прочь и вскоре скрылись за углом дома.

Гамаш перехватил взгляд Лакост и кивнул, потом посмотрел на два садовых кресла, стоящие перед ним.

– Мы можем найти еще два кресла?

С помощью Питера принесли еще два кресла, и они вчетвером сели в круг. Если бы между ними горел костерок, это можно было бы считать за историю о привидениях.

И в некотором роде так оно и было.

¹⁶ Мой прекрасный (*фр.*).

Глава четвертая

Габри и Оливье вернулись в бистро как раз к наплыву посетителей на ланч. В бистро было полно народа, но все разговоры, все движения прекратились, когда эти двое вошли в зал.

– Ну? – раздался в полной тишине голос Рут. – Кто там гикнулся?

Это разрушило дамбу, и полился поток вопросов:

– Это кто-то, кого мы знаем?

– Я слышал, это кто-то из гостиницы на холме.

– Женщина.

– Вероятно, кто-то с вечеринки. Клара ее знала?

– Она местная?

– Это было убийство? – потребовала ответа Рут.

И если вначале она первая нарушила молчание, то теперь она же погрузила в него собравшихся. Все вопросы прекратились, и все взгляды переместились со старой поэтессы на двух владельцев бистро.

Габри обратился к Оливье:

– Что мы им скажем?

Оливье пожал плечами:

– Гамаш не брал с нас обета молчания.

– Да прекратите вы нести этот бред, – отрезала Рут. – Скажите толком. И дайте мне выпить. А лучше сначала дайте мне выпить, а потом скажите нам, что случилось.

Послышался всеобщий гул, и Оливье поднял руки:

– Хорошо, хорошо. Мы расскажем все, что знаем.

И он начал рассказывать.

В саду найдено мертвое тело некой женщины по имени Лилиан Дайсон. Это сообщение было встречено молчанием, потом раздался тихий гул – люди обменивались мнениями. Никаких вскриков, никаких обмороков, и рубашек на себе тоже никто не рвал.

Это имя никому ничего не говорило.

Да, ее обнаружили в саду Морроу, подтвердил Оливье.

Убитой.

После этого наступила долгая пауза.

– Должно быть, что-то в той воде¹⁷, – пробормотала Рут, которую и под страхом смерти нельзя было заставить молчать. – Как ее убили?

– Ей сломали шею, – ответил Оливье.

– И кто эта Лилиан? – спросил кто-то из дальнего угла бистро.

– Кажется, Клара ее знает, – сказал Оливье. – Но мне она об этой женщине никогда не говорила.

Он посмотрел на Габри – тот тоже отрицательно покачал головой.

В этот момент Оливье заметил, что после них в бистро зашел еще кто-то и остановился в дверях, наблюдая за происходящим.

Это была агент Лакост, которую прислал старший инспектор Гамаш, понимавший, что эти двое расскажут все, о чем им стало известно. И старший инспектор хотел знать, не выдаст ли себя кто-нибудь из присутствующих в бистро, услышав рассказ Габри и Оливье.

– Расскажите мне, – попросил Гамаш.

¹⁷ Слова из песни американской певицы Кэрри Андервуд.

Он наклонился вперед, оперев локти в колени. Одной рукой он слегка придерживал другую. Это был новый для него жест, но необходимый.

Рядом с ним держал наготове ручку и блокнот инспектор Бовуар.

Клара откинулась на спинку глубокого деревянного кресла и вцепилась в широкие теплые подлокотники, словно чтобы не упасть. Она не подавалась вперед, напротив, вжималась в кресло.

Возвращалась из дверей их дома, из Трех Сосен, в далекое прошлое. Назад в Монреаль. В колледж искусств, в аудитории, на студенческие выставки. Из колледжа Клара Морроу переместилась в школу, в старшие классы, потом в средние, потом в начальные.

Наконец она остановилась перед маленькой девочкой, соседкой с ярко-рыжими волосами.

Лилиан Дайсон.

– Лилиан была моей лучшей подружкой в детстве, – начала Клара. – Она жила по соседству и была на два месяца старше меня. Мы были неразлучны. И в то же время являлись полными противоположностями. Она росла быстрее и была выше. Умная девочка, хорошо училась. А я тащилась у нее в хвосте. Кое-что я умела делать неплохо, но в классе словно впадала в ступор. Я нервничала. Одноклассники рано начали меня задираить, но Лилиан всегда меня защищала. Никто не смел идти поперек Лилиан. Она была крутой девчонкой.

Клара улыбнулась, вспомнив Лилиан с ее огненно-рыжими волосами. Она одна защищала Клару от других девчонок. Бросала им вызов. Клара стояла за ее спиной. Ей хотелось встать рядом с подружкой, но не хватало мужества. Пока не хватало.

Лилиан, ее драгоценная, единственная девочка.

Драгоценная подружка.

Лилиан была хорошенькой, а Клара – с характером.

Они были ближе, чем сестры. Родственные души – так говорили они друг другу в высокопарных записках, которыми обменивались. Друзья на всю жизнь. Они придумали шифр и секретный язык. Они прокололи себе пальцы и торжественно смешали свою кровь. Провозгласили себя сестрами.

Они влюблялись в одних и тех же парней из телевизионных шоу, целовали постеры и плакали, когда распалась группа «Bay City Rollers»¹⁸ и закончились «Братья Харди»¹⁹.

Все это она рассказала Гамашу и Бовуару.

– Что же случилось потом? – тихо спросил старший инспектор.

– Откуда вы знаете, что что-то случилось?

– Вы ведь не узнали ее.

Клара покачала головой. Что случилось? Как это объяснить?

– Лилиан была моей лучшей подругой, – повторила Клара, словно ей самой нужно было услышать это. – Она спасла мое детство. Без нее оно было бы сплошным несчастьем. Я так по сей день и не знаю, почему она выбрала в подруги меня. Она могла бы выбрать кого угодно. Все хотели быть друзьями Лилиан. По крайней мере, поначалу.

Мужчины ждали под лучами жаркого полуденного солнца – сидеть на этом пекле становилось все неудобнее. Однако они ждали.

– Но за то, чтобы быть другом Лилиан, нужно было заплатить свою цену, – сказала наконец Клара. – Она создала прекрасный мир. Веселый и безопасный. Но она всегда должна была оставаться правой и всегда быть первой. Вот такова была цена ее дружбы. Поначалу это казалось справедливым. Она устанавливала правила, и я им подчинялась. И в любом случае это

¹⁸ Шотландская рок-группа, популярная в первой половине 1970-х годов.

¹⁹ Серия американских детских детективов, написанных под псевдонимом Франклин У. Диксон. В России эти книги были выпущены издательством «Совершенно секретно» в серии «Детский детектив».

было довольно смешно, так что споров на этот счет у нас не возникало. Для меня это не имело значения.

Клара сделала глубокий вдох. Выдохнула.

– А потом это стало иметь значение. В старших классах все стало меняться. Я сначала этого не поняла, но как-то раз позвонила Лилиан в субботу вечером узнать, не хочет ли она прогуляться. Сходить в кино или еще куда. Она сказала, что перезвонит мне позже, но так и не перезвонила. Тогда я позвонила ей еще раз, и тут оказалось, что она ушла.

Клара посмотрела на троих мужчин. Она видела, что если ее слова им и понятны, то эмоции – не всегда. Что она чувствовала. В особенности в первый раз. Когда осталась одна.

Это казалось таким малозначительным, мелким. Но то была первая трещинка в их дружбе.

Тогда Клара не поняла этого. Он решила, что Лилиан, наверное, просто забыла ей перезвонить. И потом, у нее было право пойти гулять с другими друзьями.

Как-то на уик-энд Клара тоже договорилась пойти погулять с новой подружкой.

Узнав об этом, Лилиан просто взбесилась.

– Несколько месяцев прошло, прежде чем она меня простила.

И тут Клара заметила отвращение, проступившее на лице Жана Ги. Из-за того ли, что Лилиан унижала ее, или из-за того, что Клара позволяла так обходиться с собой? Как это ему объяснить? Как она объясняла это самой себе?

Тогда все это казалось само собой разумеющимся. Она любила Лилиан. Лилиан любила ее. Защищала от недругов. Никогда не причиняла Кларе боли. По крайней мере, специально.

Если и случались ссоры, то по вине Клары.

Потом все приходило в норму. Все грехи прощались, и Лилиан с Кларой снова становились лучшими подругами. Клара вновь приглашалась в убежище под названием Лилиан.

– Когда вы впервые начали подозревать? – спросил Гамаш.

– Что подозревать?

– Что Лилиан вам вовсе не друг?

Впервые она услышала эти слова, произнесенные вслух. Произнесенные так ясно и недвусмысленно. Их отношения всегда казались такими сложными, трудными. Клара всегда была надоедливой, неуклюжей. Всегда отворачивалась от их дружбы, предавала ее. А Лилиан была сильной, независимой. Прощала подружку. Собирала заново черепки разбитой дружбы.

Но вот настал день...

– Мы заканчивали школу. Большинство девчонок рассорились из-за парней, из-за того, что оказались в разных компаниях, или просто по глупости. Из-за уязвленных чувств. Учителя и родители думают, что классы наполнены учащимися, но на самом деле это не так. Их наполняют чувства. Стычки. Обиды. Сплошной кошмар.

Клара сняла руки с подлокотников. Их обжигало солнце. И потому Клара сложила их на животе.

– Наши с Лилиан отношения были равными. Больше никаких серьезных взлетов и падений. Но как-то раз на уроке рисования наш любимый учитель похвалил меня за рисунок. Это был единственный предмет, по которому я хорошо успевала, который меня интересовал, хотя по английскому и истории у меня тоже были неплохие отметки. Но рисование было моей страстью. И у Лилиан тоже. Мы обменивались друг с другом идеями. Теперь я понимаю, что на самом деле мы были музами друг для друга, хотя я тогда и не знала этого слова. Я даже помню тот рисунок, который понравился учителю.

Клара, счастливая, посмотрела на Лилиан. Ей так хотелось поймать взгляд подруги. Это была маленькая похвала. Крохотное торжество. Она хотела разделить свои чувства с единственным человеком, способным ее понять.

И она разделила. Но... Но... За мгновение до того, как лицо Лилиан расплылось в улыбке, Клара увидела что-то еще. Неприязнь.

А потом – дружеская, счастливая улыбка. Перемена произошла так быстро, что Клара убедила себя: ей померещилось, что ее незащищенность кажущаяся.

«Это опять моя вина», – сказала она себе.

Но, оглядываясь назад, Клара понимала, что трещина расширялась. Через какие-то щели пробивался свет, через другие просачивалась темнота.

Клара проанализировала то, что творится в сердце Лилиан. И ей это не понравилось.

– Мы вместе поступили в художественный колледж и делили с ней комнату. Но к тому времени я научилась преуменьшать те похвалы, что звучали в мой адрес. И много времени проводила, рассказывая Лилиан, как великолепны ее работы. А они и в самом деле были великолепны. Конечно, все, что мы делали, претерпевало изменения, эволюционировало. Мы экспериментировали. По крайней мере, я экспериментировала. Я вроде как решила для себя, что в этом и есть смысл обучения в художественном колледже. Не делать как правильно, а проверять пределы возможного. Не ограничивать себя.

Клара помолчала, посмотрела на свои сплетенные пальцы.

– Лилиан это не нравилось. Мои работы казались ей слишком необычными. Лилиан чувствовала, что они бросают тень на нее. Она говорила: люди, мол, считают ее моей музой, значит мои работы – о ней. А поскольку они такие странные, значит и она, Лилиан, тоже странная. – Клара помолчала. – Она просила меня прекратить.

В первый раз Клара заметила какую-то реакцию у прежде невозмутимого Гамаша. Его глаза чуть-чуть сощурились, но потом на его лицо снова вернулось бесстрастное выражение. Нейтральное. Невозможно было сказать, как он относится к услышанному.

Он ничем не выдавал себя внешне.

Ничего не говорил. Только слушал.

– И я прекратила, – тихо сказала Клара, опустив голову, словно обращалась к своим коленям.

Прерывисто вздохнув, она почувствовала, как ее тело словно сдулось.

Точно так же она чувствовала себя и тогда. Словно в ней появился маленький прокол, через который выходит воздух.

– Я не раз говорила ей, что на многие работы меня вдохновила именно она, а некоторые из них – дань нашей дружбе, но они – это не она. Она отвечала, что это не имеет значения. Значение имеет лишь то, что другие думают: эти работы – про нее. Если она мне небезразлична, если я ее подруга, то я должна перестать писать такие странные вещи. И начать писать что-нибудь привлекательное. И я стала писать привлекательное. Я уничтожила все прежние работы и стала писать то, что нравится людям.

Клара говорила и говорила, не отваживаясь смотреть на тех, кто ее слушал.

– И в самом деле, отметки у меня улучшились, и я убедила себя, что сделала правильный выбор. Что нехорошо было бы променять карьеру на друга.

Тут она подняла голову и посмотрела прямо в глаза старшему инспектору Гамашу. Снова отметила глубокий шрам у его виска. И ровный, задумчивый взгляд.

– Эта жертва представлялась мне незначительной. Потом пришло время студенческой выставки. У меня для выставки было несколько работ, а у Лилиан – ни одной. Вместо этого она решила написать рецензию в рамках курса художественной критики. Она написала статью для газеты. В ней она хвалила работы некоторых студентов, но от моих не оставила камня на камне. Написала, что они бессодержательные, лишены какого-либо чувства. Осторожные.

Клара до сих пор чувствовала дрожь, бурление, вулканическую ярость.

От их дружбы остались одни обломки. И ни одного крупного. Склеить невозможно.

Но из этой груды обломков выросла непримиримая вражда. Ненависть. Казалось, взаимная.

Клара замолчала. Даже теперь ее трясло.

Питер потянулся к ней, расцепил ее пальцы, погладил по руке.

Солнце продолжало припекать, и Гамаш, встав, предложил пересесть куда-нибудь в тень. Клара поднялась, мимолетно улыбнулась Питеру, забрала у него руку. Они взяли свои кресла и пошли к берегу речушки, где было прохладно и тенисто.

– Нам, пожалуй, нужно немного передохнуть, – сказал Гамаш. – Хотите что-нибудь выпить?

Клара кивнула, не в силах говорить.

– Вон²⁰, – сказал Гамаш, глядя на свою бригаду криминалистов. – Они наверняка тоже не откажутся. Организуй-ка всем сэндвичи из бистро, – велел он Бовуару, – а мы с Питером позаботимся о напитках.

Питер с Гамашем отправились в кухню, Бовуар – в бистро, а Клара принялась бродить по берегу, погруженная в свои мысли.

– А вы знали Лилиан? – спросил Гамаш у Питера, когда они оказались в кухне.

– Знал. – Питер достал два больших кувшина и стаканы, а Гамаш вытащил из морозилки ярко-розовый концентрат лимонада и бросил его в кувшины. – Мы все познакомились в колледже.

– Как вы к ней относились?

Питер задумчиво выпятил губы:

– Она была очень привлекательная, жизнерадостная, я бы сказал. Сильная личность.

– Вас к ней влекло?

Они стояли бок о бок у кухонного стола и смотрели в окно. Справа работала команда криминалистов, прочесывала сад, а прямо впереди Клара кидала камушки в Белла-Беллу.

– Есть кое-что, о чем Клара не знает, – сказал Питер, отворачиваясь от окна и созерцая жены, и встретился взглядом с Гамашем.

Старший инспектор ждал. Он видел внутреннюю борьбу, происходящую в Питере, и позволил молчанию затянуться. Лучше подождать несколько минут и выслушать всю правду, чем поторопить события и узнать полуправду.

Наконец Питер опустил взгляд в раковину и стал наполнять кувшины водой. Под звук бегущей воды он пробормотал что-то.

– Простите, не расслышал, – произнес Гамаш спокойно и ровно.

– Это я сказал Лилиан, что работы Клары глупые, – заявил Питер, поднимая голову и повышая голос. Он злился на себя за то, что говорит это, и на Гамаша за то, что тот выудил из него это признание. – Я сказал, что работы Клары банальные, поверхностные. Вина за рецензию Лилиан лежит на мне.

Гамаш был удивлен. Да что там удивлен – поражен. Когда Питер сказал, что есть кое-что, о чем Клара не знает, старший инспектор предположил, что речь идет о студенческой интрижке. О коротеньком романе между Питером и Лилиан.

Но такого он не ожидал.

– Я участвовал в студенческой выставке и видел работы Клары, – продолжал Питер. – Стоял рядом с Лилиан и другими ребятами, и они все смеялись. Потом они увидели меня и спросили, что я думаю. Мы с Кларой тогда начали встречаться, и я, наверное, уже тогда понимал, что она настоящий талант. Что она не притворяется художницей – она и есть художница. У нее творческая душа. И по сей день.

²⁰ Хорошо (фр.).

Питер замолчал. Он редко говорил о душе. Но когда подумал о Кларе, именно это слово пришло ему на ум. Душа.

– Не знаю, что тогда на меня нашло. Это что-то вроде желания закричать, которое я чувствую, когда вокруг полная тишина. А иногда, если я держу что-то хрупкое, мне хочется это уронить. Не знаю почему.

Он посмотрел на крупного, спокойного старшего инспектора. Но Гамаш продолжал хранить молчание. Слушал.

Питер несколько раз коротко вздохнул:

– Думаю, я хотел произвести на них впечатление, а когда критикуешь, легче показаться умным. И вот я сказал несколько нелицеприятных слов о работах Клары, и эти слова оказались в статье Лилиан.

– И Клара ничего об этом не знает?

Питер покачал головой:

– Они с Лилиан почти не разговаривали после этого, а мы с Кларой сблизились. Я вообще забыл о том, что было такое дело. Или что это имело какое-то значение. Я даже убедил себя, что оказал Кларе услугу. Она разорвала отношения с Лилиан и не стала ограничивать себя в искусстве. Пробовала то, что было у нее на уме. Экспериментировала по-настоящему. И смотрите, к чему она пришла. Персональная выставка в Музее современного искусства.

– И вы ставите это себе в заслугу?

– Я поддерживал ее все эти годы. – В голосе Питера появились оборонительные нотки. – Где бы она была без этого?

– Без вас? – спросил Гамаш, глядя прямо в лицо рассерженному Питеру. – Я понятия не имею. А вы?

Питер непроизвольно сжал кулаки.

– Что стало с Лилиан после колледжа? – спросил Гамаш.

– Она, как выяснилось, была более чем посредственной художницей, но оказалась хорошим критиком. Она устроилась в одну еженедельную газету в Монреале, а потом даже стала писать рецензии для «Пресс».

Гамаш снова вскинул брови:

– Для «Пресс»? Я читал их рецензии, но не помню ни строчки за подписью Лилиан Дайсон. Может, она писала под *nom de plume*?²¹

– Нет, – ответил Питер. – Она работала там давно, несколько десятилетий назад, когда мы все только начинали. Уже лет двадцать, а то и больше назад.

– А что с ней случилось потом?

– Мы с ней не общались, – сказал Питер. – Изредка сталкивались на вернисажах, но даже и тогда мы с Кларой ее избегали. Если выбора не оставалось, мы были любезны, но предпочитали держаться от нее подальше.

– Но вы не знаете, что с ней случилось? Вы говорите, что она перестала работать в «Пресс» двадцать лет назад. Чем она занималась?

– Я слышал, что она переехала в Нью-Йорк. Думаю, поняла, что климат здесь для нее неподходящий.

– Слишком холодный?

Питер улыбнулся:

– Нет. Просто неприятный. Под климатом я имею в виду художественный климат. У нее как у критика было мало друзей.

– Ну, вероятно, такую цену приходится платить, если ты критик.

– Вероятно.

²¹ Псевдоним (*фр.*).

Но голос Питера звучал неубедительно.

– Вы так не считаете? – настойчиво спросил старший инспектор.

– Критиков много, и художественное сообщество уважает большинство из них. Они справедливые, конструктивные. Подлецов среди них очень мало.

– А Лилиан Дайсон?

– А вот она как раз и была из таких. Ее рецензии могли быть ясными, вдумчивыми, конструктивными и даже блестящими. Но время от времени она писала ужасные гадости. Поначалу это казалось забавным, но когда стало ясно, что цели для злословия она выбирает произвольно, желание шутить по этому поводу поубавилось. А ее нападки становились все более злобными. Вроде нападок на Клару. И несправедливыми.

Гамашу показалось, что Питер уже вроде бы забыл о том, какую роль он сыграл в этой истории.

– А на ваши выставки она писала рецензии?

Питер кивнул:

– Но ей мои работы нравились. – На его щеках загорелся румянец. – Я всегда подозревал, что она написала ту разносную рецензию, чтобы досадить Кларе. Вбить клин между нами. Она решила, что если она мелочная и завидующая, то и Клара такая же.

– А она не такая?

– Клара? Поймите меня правильно. Бывает, от нее с ума можно сойти. Она может раздражать, быть нетерпеливой, иногда неуверенной. Но она всегда радуется удачам других. Радует за меня.

– А вы за нее радуетесь?

– Конечно. Она заслужила тот успех, который получила.

Это была ложь. Нет, Клара действительно заслужила успех. Гамаш это знал. Как знал и Питер. Но оба они знали, что Питера это вовсе не радует.

Гамаш спрашивал не потому, что не знал ответа. Ему хотелось узнать, солжет ему Питер или нет.

Питер солгал. А если он солгал в этом, то в чем еще он мог солгать?

Гамаш, Бовуар и оба Морроу сели за ланч в саду. Бригада криминалистов расположилась по другую сторону клумб, они пили лимонад и ели сэндвичи из бистро, но для них четверых Оливье приготовил нечто особенное: охлажденный огуречный суп с мятой и дыней, нарезанные помидоры и салат из базилика, сбрызнутого уксусом, а еще холодного отварного лосося.

Обстановка была идиллическая, если бы ее не нарушали криминалисты, которые то проходили мимо, то появлялись из близлежащей клумбы.

Гамаш посадил Клару и Питера так, чтобы они не видели работы экспертов, но Гамаш понял, что это самообман. Морроу прекрасно знали, что приятный пейзаж перед ними – речка, поздние весенние цветы, тихий лес – это далеко не вся картина.

А если они и забывали об этом, то тема разговора им напоминала.

– Когда вы в последний раз общались с Лилиан? – спросил Гамаш, нанизывая на вилку кусочек розового лосося и макая его в майонез.

Голос его звучал тихо, глаза на добром лице смотрели задумчиво. Но Клара не обманывалась на его счет. Гамаш мог быть вежливым, мог быть добрым, но он зарабатывал себе на жизнь тем, что ловил убийц. А такая работа отнюдь не улучшает характера.

– Много лет назад, – ответила Клара.

Она проглотила ложку холодного, освежающего супа, спрашивая себя, а в самом ли деле ей так уж хочется есть. И странным образом, пока мертвое тело оставалось безмянным, аппетит у Клары начисто отсутствовал. А теперь, когда стало известно, что убитая – Лилиан, аппетит разыгрался волчий.

Она взяла ломоть французского батона, оторвала кусок, намазала маслом.

– По-вашему, это было сделано намеренно? – спросила она.

– Что было сделано намеренно? – спросил Бовуар.

Он не был голоден, а потому неторопливо ковырялся вилкой в тарелке. Перед ланчем он зашел в ванную и принял таблетку от боли. Не хотел, чтобы шеф видел, что он принимает таблетки. Не хотел, чтобы Гамаш знал, что по прошествии стольких месяцев после ранения он все еще страдает от болей.

И теперь, сидя в прохладной тени, он чувствовал, как боль отпускает его, как ослабевает напряжение.

– Что у вас на уме? – спросил Гамаш.

– Не могу поверить в то, что Лилиан убили именно здесь по чистой случайности, – ответила Клара.

Она повернулась и увидела движение в зелени кустов. Агенты пытались воссоздать вчерашнее преступление.

Лилиан приехала сюда. В день вечеринки. И ее здесь убили.

В этом не приходилось сомневаться.

Бовуар смотрел на Клару, повернувшуюся в своем кресле. Он был с ней согласен. Это не совпадение.

Первая мысль была такой: Клара сама и убила эту женщину. Здесь был ее дом, вечеринка в ее честь, а убитая – ее бывшая подруга. У нее были мотив и возможность. Но Бовуар даже не представлял себе, сколько таблеток ему нужно принять, чтобы поверить, будто Клара – убийца. Он знал, что большинство людей способны на убийство. И в отличие от Гамаша, который верил в существование доброты, Бовуар знал, что доброта – состояние временное. Люди оставались хорошими, пока светило солнце, а на тарелке лежал отварной лосось.

Но стоит отобрать это у человека – и тогда посмотрите, что будет. Отберите у него еду, кресла, цветы, дом. Друзей, супруга, который служит опорой в жизни, доход – и посмотрите тогда.

Шеф верил, что если разгрести зло, то на дне найдешь добро. Он верил, что у зла есть свои границы. Бовуар не верил. Он считал, что если разгрести добро, то обнаружишь зло. Без границ, без тормозов, без предела.

И каждый день он переживал из-за того, что Гамаш не понимает этого. Что он слеп в этом отношении. И в слепых зонах могут происходить страшные вещи.

Кто-то убил женщину всего в двадцати футах от того места, где они сидели за скромной едой. Это было сделано умышленно, голыми руками. И конечно, Лилиан Дайсон не случайно умерла именно здесь, в идеальном садике Клары Морроу.

– У вас есть список гостей на вернисаже и на барбекю? – спросил Гамаш.

– Мы можем вам сказать, кто был приглашен, но полный список есть только в музее, – сказал Питер. – Что касается вчерашней вечеринки здесь, в Трех Соснах...

Он посмотрел на ухмыляющуюся Клару.

– Мы понятия не имеем, кто здесь был, – признала она. – Была приглашена вся деревня и чуть ли не вся округа. Всем было сказано: приходите и уходите когда захочется.

– Но вы говорили, что кто-то приехал из Монреаля, с вернисажа, – напомнил Гамаш.

– Верно, – ответила Клара. – Я могу вам сказать, кто был приглашен. Я составлю список.

– Значит, не все с вернисажа были приглашены сюда? – спросил Гамаш.

Он и Рейн-Мари были приглашены. Бовуар тоже. Приехать они не смогли, но Гамаш предполагал, что приглашение распространяется и на других. Выходит, он ошибался.

– Нет. Вернисаж – для работы, для знакомств, для сплетен, – сказала Клара. – Мы хотели, чтобы на вечеринке была более раскрепощенная обстановка. Праздник.

– Да, но... – проговорил Питер.

- Что? – спросила Клара.
- Андре Кастонге?
- Ах, он.
- Владелец галереи? – спросил Гамаш. – Он был там?
- И здесь тоже, – сказал Питер.

Клара кивнула. Она не призналась Питеру, что пригласила Кастонге и некоторых других дилеров на барбекю по одной-единственной причине – ради него, Питера. В надежде, что они дадут ему шанс.

– Да, я пригласила кое-каких шишек, – сказала Клара. – И нескольких художников. Было забавно.

Она получала удовольствие. Удивительно было видеть, как Мирна болтает с Франсуа Маруа, а Рут обменивается оскорблениями с несколькими пьяными друзьями-художниками. Видеть, как Билли Уильямс и местные фермеры смеются вместе с элегантными владельцами галерей.

А к полуночи все танцевали.

Кроме Лилиан, которая лежала в саду Клары.

«Дин-дон, – подумала Клара. – Ведьма умерла».

Глава пятая

Старший инспектор Гамаш взял пачку газет, лежащих за желтой полицейской лентой, и передал их Кларе.

– Уверен, критикам понравилась ваша выставка, – сказал он.

– Ну почему, почему вы не занимаетесь художественной критикой, а тратите время на такую тривиальную профессию? – простила Клара.

– Согласен, безумная трата жизни, – улыбнулся Гамаш.

– Что ж, – она посмотрела на газеты, – пожалуй, я могу надеяться на то, что в саду не обнаружится еще один труп. Так что можно и почитать, что там пишут.

Она огляделась. Питер ушел в дом, и Клара подумала, не уйти ли и ей. Чтобы почитать рецензии в тишине и покое. Наедине с самой собой.

Но вместо этого она поблагодарила Гамаша и направилась в бистро, прижимая к груди тяжелые газеты. Она видела, как Оливье на террасе подает выпивку. За столом под бело-голубым солнечным зонтом сидел месье Беливо, попивая чинзано и читая воскресные газеты.

Все столики были заняты, заполнены жителями деревни и друзьями, наслаждающимися неторопливым воскресным бранчем. Когда появилась Клара, большинство глаз обратились на нее.

Потом отвернулись.

И она ощутила укол злости. Не по отношению к этим людям, а к Лилиан, отравившей лучший день ее профессиональной жизни. И теперь вместо улыбок и приветствий, похвал в адрес вчерашнего празднества люди отворачивались от нее. Торжество Клары было украдено. И опять это сделала Лилиан.

Она посмотрела на владельца магазина, месье Беливо, и он тут же опустил глаза.

Как и Клара.

Подняв глаза секунду спустя, она чуть не подпрыгнула от радости. Прямо перед ней стоял Оливье и держал два стакана.

– Черт, – выдохнула она.

– Шанди²², – сказал он. – Имбирное пиво и светлый эль, как ты любишь.

Клара перевела взгляд с Оливье на стаканы, снова посмотрела на Оливье. Легкий ветерок растрепал его редющие светлые волосы. Даже облаченный в передник, он умудрялся выглядеть утонченным и расслабленным. Но Клара помнила взгляд, которым они обменялись, стоя на коленях в коридоре Музея современного искусства.

– Быстро ты, – заметила она.

– Вообще-то, это было приготовлено не для тебя, но я рассудил, что твой случай неотложный.

– Неужели это так очевидно? – улыбнулась Клара.

– А разве может быть иначе, если у тебя в саду обнаруживают труп? Уж я-то знаю.

– Да, – сказала Клара. – Ты это знаешь.

Оливье показал на скамейку на деревенском лугу, и они пошли туда. Клара бросила тяжелые газеты на скамейку и плюхнулась рядом.

Она взяла шанди у Оливье. Они сидели бок о бок спиной к бистро, к людям, к месту преступления. К вопрошающим и ускользающим взглядам.

– Как ты? – спросил Оливье.

Он чуть было не спросил, в порядке ли она, но было очевидно, что не в порядке.

²² Шанди – разновидность пива с разными добавками.

– Хотелось бы сказать «хорошо». Живая Лилиан у нас в саду была бы шоком, но мертвая Лилиан – загадка.

– Кто она?

– Когда-то была другом. Но давно перестала им быть. Мы разругались.

Больше Клара ничего не сказала, а Оливье не стал спрашивать. Они пили шанди, сидя в тени огромных сосен, паривших над ними, над деревней.

– А что почувствовал ты, снова увидев Гамаша?

Оливье задумался, потом улыбнулся. Выглядел он очень молодо. Гораздо моложе своих тридцати восьми лет.

– Не очень ловко я себя чувствовал. Как по-твоему, он заметил?

– Не исключено. – Клара сжала руку Оливье. – Ты его не прости?

– А ты простила бы?

Настал черед Клары брать паузу. Не для того, чтобы поразмыслить над ответом. Ответ она знала. Она сомневалась, отвечать ли.

– Мы тебя простили, – сказала она наконец, надеясь, что ее голос звучит достаточно мягко, что ее слова не показались ему слишком колючими.

И все же она почувствовала, как напрягся, как сжался Оливье. Не физически, но эмоционально отпрянул.

– Правда? – произнес он, помедлив.

Его голос тоже прозвучал мягко. Это было не обвинение, скорее удивление. Словно он сам себе задавал этот вопрос по несколько раз в день.

Прощен ли он уже.

Да, он не убивал Отшельника. Но он предал его. Воровал у него. Брал все, что впавший в безумие Отшельник предлагал ему. И даже то, чего не предлагал. Оливье забрал у беспомощного старика все, что мог. Включая и его свободу. С помощью жестоких слов он запер старика в его лесном домике.

И когда все это всплыло во время процесса, он видел выражение лиц своих соседей.

Как будто они смотрели на чужого человека. На чудовище, затесавшееся в их ряды.

– Что заставляет тебя думать, будто мы так и не простили тебя? – спросила Клара.

– Ну, в первую очередь Рут.

– Да брось ты, – рассмеялась Клара. – Она всегда называла тебя тупоголовым.

– Верно. А знаешь, как она называет меня сейчас?

– Как? – спросила она с улыбкой.

– Оливье.

Улыбка медленно сошла с лица Клары.

– Знаешь, – сказал Оливье, – я думал, что хуже тюрьмы ничего не будет. Эти унижения, этот страх. Просто удивительно, к чему только не привыкаешь. И сейчас те воспоминания постепенно тускнеют. Ну, не то чтобы тускнеют, скорее, перемещаются в мою голову. Здесь... – он приложил руку к груди, – их почти не осталось. Но знаешь, что не проходит?

Клара покачала головой и внутренне сжалась:

– Скажи.

Она не хотела то, что предлагал Оливье. Обоженную память гея, отсидевшего в тюрьме. Хорошего человека в тюрьме. Да, он был порочен. Возможно, больше, чем многие другие. Но его наказание никак не соответствовало преступлению.

Клара думала, что ей не по силам выслушать даже лучшее, что можно рассказать про тюрьму, но теперь она была готова выслушать и худшее. И он должен был ей это рассказать. А Клара – выслушать.

– Дело не в судебном процессе. И даже не в тюрьме. – Оливье посмотрел на нее печальными глазами. – Знаешь, что заставляет меня просыпаться в два часа ночи в приступе паники?

Клара ждала, слыша, как колотится сердце у нее в груди.

– То, что было здесь. Когда меня выпустили. Тот путь от машины с Бовуаром и Гамашем. Та долгая прогулка по снегу до бистро.

Клара посмотрела на своего друга, не вполне понимая его. Как воспоминания о Трех Соснах могут быть хуже, чем воспоминания о камере за решеткой?

Она ясно помнила тот день. Дело шло к вечеру, за окном стоял февраль. Еще один морозный снежный день. Она, Мирна, Рут, Питер и немалая часть деревенских жителей устроились в бистро, пили кофе с молоком и разговаривали. Клара болтала с Мирной, когда увидела, что Габри вдруг стал непривычно тихим и смотрит в окно. Посмотрела туда и она. На замерзшем пруду катались на коньках дети, играли в хоккей. Другие детишки катались на санках, играли в снежки, строили снежные крепости. Клара увидела, как по рю Дю-Мулен в Три Сосны медленно въехал знакомый «вольво» и остановился у деревенского луга. Из машины вышли трое мужчин в теплых куртках. Несколько секунд они стояли неподвижно, потом медленно направились к бистро.

Габри вскочил, чуть не опрокинув кружку с кофе. Все посетители бистро замерли, проследив за направлением взгляда Габри. Они увидели три фигуры. Впечатление было такое, будто три сосны ожили и приближаются к бистро.

Клара молча ждала продолжения рассказа Оливье.

– Я знаю, идти там всего ничего – несколько ярдов, – сказал он наконец. – Но мне казалось, что бистро далеко-далеко. Мороз стоял такой лютый, что пробирал до костей даже через куртку. Снег под нашими ботинками скрипел так громко, оглушительно, словно мы ступали по чему-то живому и оно кричало от боли.

Оливье помолчал, прищурился, словно вглядываясь в прошлое.

– Я видел всех внутри. Видел поленья, горящие в каминах. Видел иней на стеклах.

Он говорил, и перед глазами Клары вставала та самая картинка.

– Я даже Габри об этом не говорил, не хотел делать ему больно, не хотел, чтобы он неправильно меня понял. Мы шли к бистро, и я чуть не остановился. Я был готов попросить их отвезти меня куда-нибудь в другое место, куда угодно.

– Почему? – Голос Клары упал почти до шепота.

– Потому что я был в ужасе. Мне никогда в жизни не было так страшно. Страшнее, чем в тюрьме.

– Чего же ты боялся?

Оливье снова почувствовал, как жуткий холод обжигает щеки. Услышал, как скрипит снег под ботинками. И сквозь сводчатые окна увидел теплое бистро. Увидел своих друзей и соседей, болтающих за выпивкой. Смеющихся. Увидел огонь в камине.

Тепло и безопасно.

Они внутри. Он снаружи, смотрит на них.

И закрытая дверь между ним и всем тем, что составляло суть его жизни.

Он чуть не потерял сознание от ужаса, но смог обрести голос и был уверен, что прокричал Гамашу, чтобы тот отвез его назад в Монреаль. Высадил у какого-нибудь клоповника. Где его, может быть, и не примут, но хотя бы не отвергнут.

– Я боялся, что вы не примете меня. Что я теперь чужой среди вас.

Оливье вздохнул и опустил голову. Уставился в землю, вбирая взглядом каждую травинку.

– Боже мой, Оливье, – сказала Клара и уронила свой стакан с шанди на газеты, заливая бумагу. – Да такого и быть не могло.

– Ты уверена? – спросил он, поворачиваясь к ней, чтобы найти в ее глазах подтверждение слов.

– Абсолютно. Мы обо всем этом забыли.

Несколько мгновений он молчал. Потом они оба увидели Рут – та вышла из своего маленького коттеджа на дальней стороне деревенского луга, открыла калитку и похромала к другой скамейке. Усевшись, она посмотрела на Клару и Оливье и подняла руку.

«Пожалуйста, – мысленно взмолился Оливье. – Покажи мне средний палец. Скажи какую-нибудь грубость. Назови гомосексом, пидором. Тупицей».

– Я знал, что ты так ответишь, но не уверен, что ты забыла. – Он смотрел на Рут, но обращался к Кларе.

Рут взглянула на Оливье. Немного поколебалась. Помахала.

Помедлив, Оливье кивнул ей. Потом с печальной улыбкой посмотрел на Клару:

– Спасибо, что выслушала. Если когда-нибудь захочешь поговорить о Лириан или о чем-то подобном, ты знаешь, где меня найти.

Он махнул рукой, но не в сторону быстро, а указывая на Габри, который, не обращая внимания на клиентов, болтал с приятелем. Оливье с улыбкой смотрел на него.

«Да, – подумала Клара. – Габри – вот его дом».

Она взяла свои мокрые газеты и двинулась по лугу, но Оливье окликнул ее. Она остановилась, и он ее догнал.

– Возьми. Ты свой пролила. – Он протянул ей стакан с шанди.

– Нет, спасибо. Пойду к Мирне, выпью у нее что-нибудь.

– Пожалуйста, – сказал он.

Клара посмотрела на стакан, из которого он отпил немного, потом заглянула в его добрые умоляющие глаза – и взяла шанди.

– Merci, mon beau Olivier.

Она пошла к деревенским магазинам, размышляя о том, что сказал Оливье.

Прав ли он? Может, они действительно не простили его?

В этот момент из быстро вышли двое и медленно направились по рю дю-Мулен к гостинице и спа-салону на вершине холма. Клара с удивлением проследила за ними. Оказывается, они здесь. И вместе.

Потом она перевела взгляд на собственный дом. И на одинокую фигуру возле него. Этот человек тоже смотрел на тех двоих.

Старший инспектор Гамаш.

Гамаш смотрел на Франсуа Маруа и Андре Кастонге, которые медленно поднимались на холм.

Они вроде бы не разговаривали, но явно хорошо себя чувствовали в обществе друг друга.

Всегда ли так было? Или десятилетия назад, когда они были молодыми предпринимателями, только начинавшими карьеру, отношения между ними были иными? Борьба за территорию, борьба за влияние, борьба за художников.

Возможно, эти двое всегда относились друг к другу с приязнью и уважением. Но Гамаш сомневался в этом. И тот и другой были слишком влиятельными, слишком амбициозными. Их эго было слишком велико. Да и на карте стояло слишком многое. Они могли быть вежливыми, даже учтивыми. Но вряд ли были друзьями.

И тем не менее они поднимались по склону холма, как два старых однополчанина.

Наблюдая за ними, Гамаш ощутил знакомый запах. Немного повернувшись, он увидел, что стоит рядом со старым, корявым кустом сирени на углу дома Питера и Клары.

Куст казался хрупким, слабым, но Гамаш знал, что сирень – растение долголетнее. Она переживает бури и ветра, трескучие зимы и поздние морозы. Она растет и цветет там, где умирают внешне гораздо более сильные растения.

Гамаш обратил внимание, что в Трех Соснах много сиреневых кустов. Не новые гибриды ярких оттенков, которые цветут два раза в год. Нет, здесь росли светло-фиолетовые и белые,

как в саду у его бабушки. Когда эти кусты были молодыми? Неужели солдаты, возвращавшиеся из Вими, Фландрии, Пашендейля²³, проходили мимо этих самых кустов? Неужели и они вдыхали этот аромат и понимали, что наконец вернулись домой? К мирной жизни.

Он отвлекся от созерцания сирени и успел увидеть, как двое пожилых мужчин входят в дверь гостиницы на холме и исчезают внутри.

– Шеф. – Из сада к нему направлялся инспектор Бовуар. – Выездная криминалистическая бригада заканчивает работу, а Лакост вернулась из бистро. Как вы и предполагали, уже через полминуты все присутствующие в бистро знали всё, что было известно Габри и Оливье.

– И?..

– И ничего. Лакост сказала, что все вели себя так, как вы и думали. Любопытство, огорчение, опасение за себя. Судя по всему, никто не знал убитую. Лакост после этого поспрашивала у посетителей, показывала фотографию убитой, описывала ее. Никто не видел ее на барбекю.

Гамаш был разочарован, но не удивлен. У него росло подозрение, что все задумывалось так, чтобы эту женщину никто не видел. По крайней мере, живой.

– Лакост начала оборудовать оперативный штаб в здании старого вокзала.

– Вон. – Гамаш зашагал через деревенский луг, и Бовуар пристроился рядом с шефом. – Я вот думаю, не оставить ли здесь постоянное отделение.

Бовуар рассмеялся:

– Почему бы вообще не перевести сюда весь отдел? Кстати, мы нашли машину мадам Дайсон. Похоже, она приехала сама. Машина вон там. – Бовуар показал на рю Дю-Мулен. – Хотите ее увидеть?

– Absolument.

Они изменили направление и пошли по грунтовой дороге тем же путем, каким только что прошли два пожилых человека. Когда они добрались до вершины, Гамаш увидел серую «тойоту», припаркованную на обочине в сотне ярдов от них.

– Далековато от дома Морроу и от вечеринки, – заметил Гамаш, чувствуя тепло полуденного солнца, пробивающегося сквозь кроны деревьев.

– Верно. Наверное, тут вчера было полно машин. Видимо, ближе было не поставить.

Гамаш задумчиво кивнул:

– А это означает, что она приехала не с первой волной. Или же намеренно припарковалась подальше от дома.

– Но зачем бы она стала это делать?

– Может, не хотела, чтобы ее видели.

– Тогда зачем надевать такое заметное платье?

Гамаш улыбнулся. Это был хороший вопрос.

– Когда у тебя слишком умный заместитель, это действует на нервы. Где они, те деньки, когда я таскал тебя за вихор и ты во всем со мной соглашался?

– И когда же это было?

– И опять ты прав. Это нужно прекратить. – Он улыбнулся сам себе.

Они остановились возле машины.

– Ее осмотрели, обыскали, вылизали. Я хотел, чтобы вы ее увидели, прежде чем машину эвакуируют.

– Merci.

Бовуар отпер машину, и старший инспектор сел на водительское место, отодвинув кресло назад, чтобы было просторнее его более солидному телу.

²³ Вими, Фландрия, Пашендейль – места ожесточенных боев Первой мировой войны.

На пассажирском сиденье лежали «Cartes Routières du Quebec». «Дорожные карты Квебека».

Гамаш открыл бардачок. Там был обычный набор барахла, которое может пригодиться, но о существовании которого хозяин машины тут же забывает. Салфетки, фонарик, лейкопластыри, батарейка. И какие-то документы на машину, страховой полис, анкета. Гамаш вытащил документы, стал читать. Машине было пять лет, но Лилиан Дайсон купила ее восемь месяцев назад. Он закрыл бардачок, надел свои полукруглые очки, взял карты, просмотрел их. Сложены они были неаккуратно – так нетерпеливые люди и поступают с неудобными картами.

Одна из них была картой всего Квебека. Не очень полезная, разве что вы планируете вторжение и вам нужно узнать, где расположены Монреаль и Квебек-Сити. Вторая карта была Les Canton de l'Est. Восточные кантоны.

Покупая эту карту, Лилиан Дайсон не знала, что она бесполезна. Чтобы убедиться, Гамаш раскрыл ее и на том месте, где должны были находиться Три Сосны, увидел только речушку Белла-Белла, холмы, лес. Больше ничего. Для официальных картографов деревня Три Сосны не существовала.

Ее никто не увидел. Не нанес на карту. Никакие джи-пи-эс, никакие самые совершенные навигационные программы не смогли бы вывести к этой деревушке. Она появлялась словно случайно, когда вы въезжали на вершину холма. Неожиданно. Вы могли ее найти, только заблудившись.

Не заблудилась ли Лилиан Дайсон? Не попала ли она в Три Сосны и на вечеринку по ошибке?

Нет. Такое совпадение было бы слишком невероятным. Она была одета для вечеринки. Одета, чтобы произвести впечатление. Чтобы быть увиденной. Замеченной.

Тогда почему же никто ее не заметил?

– Почему Лилиан оказалась здесь? – пробормотал Гамаш себе под нос.

– Как думаете, она вообще знала, что это дом Клары? – спросил Бовуар.

– Я задавал себе этот же вопрос, – признался Гамаш, снимая очки и вылезая из машины.

– Как бы то ни было, она здесь оказалась, – сказал Бовуар.

– Но как?

– Приехала на машине, – ответил Бовуар.

– Это я и сам вычислил, – улыбнулся Гамаш. – Но как она, сев в машину, смогла приехать сюда?

– По картам? – предположил Бовуар с безграничным терпением. Но, увидев, что Гамаш отрицательно покачал головой, Бовуар растерялся. – Не по картам?

Гамаш молчал, позволяя своему заместителю самому найти ответ.

– Она бы не нашла Три Сосны по этим картам, – задумчиво сказал Бовуар. – Деревни на картах нет. – Он помолчал, размышляя. – Так как же она нашла дорогу сюда?

Гамаш повернулся и неторопливым шагом двинулся назад к Трем Соснам.

Бовуар догнал шефа, осененный новой мыслью:

– А как все остальные приехали сюда? Все гости из Монреаля?

– Клара и Питер вместе с приглашениями рассылали указания о маршруте.

– Ну вот вам и ответ: у нее были эти указания, – обрадовался Бовуар.

– Но ее никто не приглашал. И даже если ей каким-то образом попало в руки приглашение с указаниями маршрута, то где оно? В сумочке его нет. В машине тоже.

Бовуар опять задумался.

– Значит, ни карты, ни указаний. Как же она нашла это место?

Гамаш остановился напротив гостиницы со спа-салонком.

– Не знаю, – признался он.

Затем Гамаш повернулся и посмотрел на гостиницу. Когда-то это была уродливая, разрушающаяся, гниющая старая развалина. Престижный викторианский дом, построенный более столетия назад гордыней и потом других людей.

Он должен был парить над деревней. Но если Три Сосны с успехом пережили трудные времена, депрессии, войны, то это убожество с башенками впало в отчаяние и привлекало к себе только печаль.

Этот дом не говорил о престиже – когда жители деревни смотрели на него, то видели лишь тень, вздох на холме.

Теперь все изменилось. Теперь дом превратился в изысканную, блестящую гостиницу.

Но иногда под определенными углами, в определенном свете Гамаш видел печаль этого места. А в сумерках на ветру ему казалось, что он слышит вздохи.

В нагрудном кармане Гамаша лежал список гостей, приглашенных Кларой и Питером из Монреаля. Не было ли в этом списке имени убийцы?

Или же убийца был не гостем, а кем-то, кто уже находился здесь?

– Приветствую.

Бовуар вздрогнул. Он пытался не показывать этого, но старый дом, несмотря на косметический ремонт, по-прежнему вызывал у него дрожь.

Из-за угла гостиницы появилась Доминик Жильбер. На ней были лосины и черная вельветовая жокейская шапочка. В руке – кожаный хлыст. Она собиралась либо на прогулку верхом, либо прямо на съемки к Маку Сеннету²⁴.

Узнав их, Доминик улыбнулась и протянула руку.

– Старший инспектор. – Она пожала ему руку, повернулась к Бовуару, пожала руку и ему. Потом улыбка сошла с ее лица. – Это правда, что в саду у Клары нашли тело?

Она сняла шапочку, и стало видно, что волосы от пота прилипли к голове. Высокой, стройной Доминик Жильбер было под пятьдесят. Вместе с мужем Марком они сбежали сюда из города. Собрали пожитки и приехали.

Ее коллеги из администрации банка предсказывали, что они и одной зимы не выдержат – вернуться. Но вот уже пошел второй год их жизни в Трех Соснах, и они ничуть не жалели о своем желании купить эту старую развалюху и превратить ее в привлекательную гостиницу и спа-салон.

– К сожалению, так оно и есть, – подтвердил Гамаш.

– Можно воспользоваться вашим телефоном? – спросил инспектор Бовуар. Он прекрасно знал, что дозвониться до бригады криминалистов по сотовому не получится, но не прекращал попыток. – *Merde*, – пробормотал он, – здесь словно попадаешь в Средние века.

– Бога ради, – сказала Доминик, показывая на дом. – У телефона теперь даже ручку не нужно крутить.

Но инспектор не понял ее юмора – он уже шагал к дому, продолжая нажимать на своем сотовом кнопку повторного набора.

– Я слышал, что некоторые гости Клары остались в вашей гостинице, – сказал Гамаш, зайдя на веранду.

– Да. Кто-то заказывал номер заранее, кто-то в последнюю минуту.

– Выпили лишнего?

– В стельку.

– Они все еще здесь?

– Вот уже несколько часов пытаются встать с кровати. Ваш агент просил их не покидать Трех Сосен, но большинство из них и кроватей-то покинуть не может. Опасности, что они сбегут, нет. Разве что уползут.

²⁴ *Мак Сеннет* (1880–1960) – американский кинорежиссер и продюсер, работал в жанре эксцентрической комедии.

– А где мой агент? – Гамаш огляделся.

Когда он узнал, что кто-то из гостей ночевал в Трех Соснах, то дал указание Лакост направить двух молодых агентов: одного – охранять гостиницу Габри, другого – сюда.

– Он на заднем дворе, с лошадьми.

– Сторожит их? – пошутил Гамаш.

– Как вам известно, старший инспектор, сбежать на наших лошадях тоже вряд ли получится.

Да, он это знал. Одной из первых покупок Доминик после переезда сюда были эти лошади. Воплощение в жизнь детской мечты.

Но вместо Черного Красавца, Флики²⁵ и Пегаса хозяйка дома купила четырех заезженных кляч. Загубленных животных, которых везли на бойню.

Одна из них вообще была больше похожа на лося, чем на лошадь.

Но такова природа детской мечты. Поначалу ее даже трудно распознать.

– Сейчас приедут забрать ее машину, – сказал вернувшийся Бовуар.

Гамаш обратил внимание, что его заместитель все еще держит сотовый в руке. Успокаивающее средство.

– Некоторые гости, что покрепче, пожелали прогуляться верхом, – сказала Доминик. – Я как раз собиралась проводить их. Ваш агент сказал, что не возражает. Поначалу он не был уверен, но, увидев наших лошадей, согласился. Видимо, понял, что на них до границы не доскачешь. Надеюсь, я не накликala неприятностей на его голову?

– Ничуть, – сказал Гамаш, но по виду Бовуара было понятно, что он бы ответил иначе.

Они пошли по травке к сараю и вскоре стали различать людей и животных внутри. Погруженные в тень силуэты, словно вырезанные из бумаги и перенесенные сюда.

И среди них – очертания молодого агента Квебекской полиции. Худого. Неловкого, что было видно даже на расстоянии.

Старший инспектор Гамаш внезапно почувствовал, как бешено заколотилось сердце, как к голове прилила кровь. У него закружилась голова, и он испугался, что может потерять сознание. Руки у него похолодели. Он подумал, заметил ли Жан Ги Бовуар его неожиданную реакцию, этот внезапный спазм. Когда перед ним вдруг возник образ другого агента. Ожил. На мгновение.

А потом снова умер.

Потрясение было настолько сильным, что Гамаш на несколько секунд потерял контроль над собой. Его слегка качнуло, но, когда туман в голове рассеялся, он понял, что его тело по-прежнему движется вперед, а мышцы лица расслаблены. Ничто не выдавало того, что с ним случилось. Этого *grand mal*²⁶ эмоций.

Кроме небольшого тремора в правой руке, которую пришлось сжать в кулак.

Силуэт молодого агента отделился от остальных и вышел на солнце. И перестал быть силуэтом. Агент поспешил к ним с обеспокоенным выражением на красивом лице.

– Сэр, – сказал он, отдавая честь старшему инспектору, который дал ему знак опустить руку. – Я пришел посмотреть, – проговорил агент. – Убедиться, что все будет в порядке, если они поедут прокатиться. Я не собирался оставлять дом без охраны.

Молодой агент никогда прежде не сталкивался со старшим инспектором Гамашем. Конечно, он видел его издали, как и большинство жителей провинции. В новостных программах, интервью, на газетных фотографиях. В показанном по телевизору траурном кортеже, когда хоронили погибших агентов. Погибших при исполнении служебного долга под командой Гамаша всего шесть месяцев назад.

²⁵ *Черный Красавец, Флика* – клички лошадей из одноименных фильмов.

²⁶ Приступ (*фр.*).

Агент даже посещал лекции старшего инспектора в академии.

Но теперь, когда он смотрел на Гамаша, все эти образы исчезли, и он помнил только утекшее в Интернет видео той операции, в которой погибло столько сотрудников полиции. Никто не должен был видеть эти записи, но их просмотрели миллионы, они распространялись по Интернету, словно вирус. Было трудно не вспоминать то видео, глядя на старшего инспектора с его неровным шрамом у виска.

И вот сейчас старший инспектор стоял перед ним во плоти. Знаменитый глава знаменитого отдела по расследованию убийств. Он стоял так близко, что молодой агент даже ощущал его запах. Очень слабый аромат сандалового дерева и чего-то еще. Розовой воды. Агент посмотрел в умные карие глаза Гамаша и понял, что ничего подобного в жизни не видел. Он смотрел в глаза многим старшим полицейским. Да что говорить – все в полиции были старше его. Но такого он никогда не чувствовал.

Взгляд старшего инспектора был умный, задумчивый, взыскующий.

Но если другие были циничны и строги, то глаза старшего инспектора были совсем иными.

Они смотрели по-доброму.

Наконец-то агент оказался лицом к лицу со знаменитым человеком, и где же старший инспектор нашел его? В сарае. От агента пахло конским навозом, и он кормил морковкой лошадей, похожую на лося. Оседлывал лошадей для подозреваемых в деле об убийстве.

Он ждал вспышки гнева. Выговора.

Но старший инспектор сделал невероятное.

Он протянул руку.

Молодой агент секунду смотрел на нее. Отметил едва заметную дрожь. Потом пожал ее, ощутил силу и твердость.

– Старший инспектор Гамаш, – представился этот крупный человек.

– Oui, patron. Агент Ив Руссо из Кауансвиллского отделения.

– Здесь все спокойно?

– Да, сэр. Я прошу прощения. Наверно, я не должен был разрешать эту прогулку.

Гамаш улыбнулся:

– У тебя нет права задерживать их. И потом, вряд ли они смогут далеко уехать.

Трое полицейских посмотрели на Доминик и двух женщин, которые выводили цокающих копытами лошадей из сарая.

Гамаш снова повернулся к агенту, молодому, взволнованному:

– Ты записал их имена и адреса?

– Да, сэр. И проверил по их документам. У меня есть информация на всех. – Он раскрыл карман и вытащил блокнот.

– Пожалуй, отнеси это в оперативный штаб, – сказал Гамаш. – И отдай агенту Лакост.

– Слушаюсь, – сказал Руссо, записывая фамилию.

Жан Ги Бовуар внутренне застонал. «Ну вот, опять, – подумал он. – Сейчас пригласит этого мальчишку в команду. Неужели он никогда ничему не учится?»

Арман Гамаш улыбнулся и кивнул агенту Руссо, потом повернулся и пошел назад к гостинице, оставив двух удивленных полицейских: Руссо удивлялся тому, что с ним так вежливо поговорили, а Бовуар – тому, что Гамаш не сделал того, что делал почти на каждом расследовании в прошлом. Не пригласил молодого агента в свою команду.

Бовуар знал, что должен радоваться. Испытывать облегчение.

Но ему почему-то было грустно.

Войдя в гостиницу, Гамаш в очередной раз поразился, насколько привлекательным стал этот дом. Прохладным и спокойным. Старая викторианская развалина была с большой любо-

вью возвращена к жизни. Витражные стекла вымыты и отремонтированы, отчего солнце в полированных черных и белых рамах холла светилось изумрудами, рубинами и сапфирами. Холл имел круглую форму, из него шла широкая лестница красного дерева.

На сияющем деревянном столе в центре холла расположилась большая цветочная композиция из сирени, купены и яблоневых веток.

Здесь все было свежим, светлым, гостеприимным.

– Чем могу помочь? – спросила молодая девушка-портье.

– Мы искали двух ваших гостей. Месье Маруа и месье Кастонге.

– Они в гостиной, – сказала она, улыбаясь, и повела их направо.

Двое полицейских прекрасно знали, где находится гостиная, – не раз там бывали. Но они позволили портье выполнить ее обязанности.

Она предложила им кофе, но они отказались, и девушка ушла, оставив их в дверях гостиной. Гамаш оглядел комнату. Она тоже была открытой, светлой, с окном во всю высоту стены, выходящим на деревню внизу. В камине лежали поленья, но не горели, на столах стояли вазы с цветами. Комната была современной, если говорить о мебели, и традиционной по дизайну. Хозяева проделали хорошую работу, дав величественной старой развалине новую жизнь в двадцать первом веке.

– Bonjour. – Франсуа Маруа поднялся с кожаного кресла и положил сегодняшний выпуск «Девуар».

Андре Кастонге кинул взгляд из своего мягкого кресла, где он читал «Нью-Йорк таймс», и, увидев двух вошедших полицейских, тоже поднялся.

Гамаш, конечно, уже был знаком с месье Маруа – разговаривал с ним вчера на вернисаже. Но второго человека он не знал – только наслышан был про его репутацию. Кастонге встал, и Гамаш увидел высокого человека, может быть, слегка с похмелья после вчерашних возлияний. Лицо у него было одутловатое, красноватое от крохотных разорвавшихся капилляров на носу и щеках.

– Никак не ждал увидеть вас здесь, – сказал Гамаш, подойдя к Маруа и пожимая ему руку, словно приветствуя такого же, как и он, постояльца гостиницы.

– И я тоже, – сказал Маруа. – Андре, это старший инспектор Гамаш из Квебекской полиции. Вы знакомы с моим коллегой Андре Кастонге?

– Только по его репутации. Прекрасной репутации. Галерея Кастонге – кто про нее не знает? У вас выставляются отличные художники.

– Рад, что вы так думаете, старший инспектор, – сказал Кастонге.

Бовуар тоже был представлен. Он ощетинился и с первого взгляда невзлюбил этого человека. Вообще-то, он невзлюбил этого типа еще раньше, когда о нем уничижительно отозвался Гамаш. Любой владелец элитной галереи сразу же оказывался в числе подозреваемых. Если не в убийстве, то в высокомерии. И на тех и на других Бовуар смотрел косо.

Но Гамаш вроде бы вовсе не испытывал никакого беспокойства. Напротив, ответ Андре Кастонге, похоже, доставил ему удовольствие. И еще кое-что заметил Бовуар.

Кастонге начал расслабляться, обретать большую уверенность в себе. Он подколот этого полицейского и не получил отпора. Кастонге явно почувствовал свое превосходство.

Бовуар слегка улыбнулся и наклонил голову, чтобы Кастонге этого не увидел.

– Ваш человек записал наши имена и адреса, – сказал Кастонге, садясь в большое удобное кресло у камина. – Наши домашние адреса и адреса офисов. Это означает, что мы подозреваемые?

– Mais, non, monsieur²⁷, – ответил Гамаш, садясь на диван напротив Кастонге. Бовуар встал чуть в стороне, а месье Маруа занял место у каминной полки – Я надеюсь, мы не доставили вам чрезмерных неудобств.

У Гамаша был обеспокоенный, даже сокрушенный вид. Андре Кастонге расслабился еще больше. Было ясно, что он привык занимать главенствующее положение. Продавливать свои решения.

Жан Ги Бовуар наблюдал, как старший инспектор вроде бы потворствует Кастонге. Склоняется перед более сильной личностью. Не то чтобы лебезит – это было бы слишком очевидно. Просто уступает пространство.

– Bon, – сказал Кастонге. – Я рад, что мы понимаем друг друга. Вы не доставили нам неудобств. Мы так или иначе собирались побыть здесь несколько дней.

«Мы», – подумал Бовуар и посмотрел на Франсуа Маруа. На взгляд Бовуара, они были приблизительно одного возраста. Волосы у Кастонге были седые и густые. У Маруа в лысеющих, аккуратно подстриженных волосах пробивалась седина. Оба были ухоженные и хорошо одетые.

– Вот моя визитка, старший инспектор. – Кастонге протянул Гамашу карточку.

– Ваша специализация – современное искусство? – спросил Гамаш, закинув ногу на ногу, словно устраиваясь для долгого разговора.

Бовуар, знавший Гамаша как никто другой, наблюдал за происходящим с интересом и любопытством. Гамаш охмурял Кастонге. И ему это удавалось. Кастонге явно смотрел на старшего инспектора Гамаша как на низшую жизненную форму. Эволюционировавшее существо, которое уже относится к разряду прямоходящих, но еще имеет недоразвитую лобную долю мозга. Бовуар мог предположить, что Кастонге думает о нем самом. Потерянное звено, не иначе.

Ему захотелось сказать что-нибудь умное, рассудительное и компетентное. А если не удастся, то что-нибудь шокирующее, невыносимо грубое, чтобы этот самоуверенный тип больше не считал, что он тут занимает лидирующее положение.

Но Бовуар не без усилия заставил себя молчать. Просто не мог придумать, что бы такое умное сказать об искусстве.

Кастонге и старший инспектор беседовали о течениях в современном искусстве, при этом Кастонге говорил менторским тоном, а Гамаш слушал якобы увлеченно.

А Франсуа Маруа?

Жан Ги Бовуар начисто о нем забыл, но теперь кинул на него взгляд. Он увидел тихого пожилого человека, который тоже только смотрел и слушал. Но смотрел не на Кастонге.

Франсуа Маруа смотрел на старшего инспектора Гамаша. Изучал его. Внимательно. Потом он перевел взгляд на Бовуара. Взгляд был не холодный, но ясный и проницательный.

У Бовуара кровь застыла в жилах.

Разговор между старшим инспектором и Кастонге вернулся к убийству.

– Ужасно, – произнес Кастонге таким тоном, словно выразил необычное и проницательное мнение.

– Ужасно, – согласился Гамаш, подаваясь вперед. – У нас есть две фотографии убитой женщины. Не могли бы вы на них взглянуть?

Бовуар протянул фотографии сначала Франсуа Маруа. Тот просмотрел их и передал Андре Кастонге.

– К сожалению, я ее не знаю, – сказал Кастонге. Бовуар с неохотой признал, что нужно отдать ему должное: при виде мертвой женщины он огорчился. – Кто она?

– Месье Маруа? – Гамаш повернулся ко второму старику.

²⁷ Да нет, месье (фр.).

– Боюсь, что и я вижу ее впервые. Она была на вечеринке?
– Вот это-то мы и пытаемся выяснить. Никто из вас не сталкивался с ней? Как видно по одной из фотографий, на ней было довольно заметное красное платье.

Маруа и Кастонге переглянулись и покачали головой.

– Désolé, – сказал Кастонге. – Но я провел вечер в разговорах с друзьями, с которыми редко встречаюсь. Возможно, она и была там, но я ее не заметил. Кто она? – снова спросил он.

Фотографии вернулись к Бовуару.

– Ее звали Лилиан Дайсон.

Никакой реакции на это имя.

– Она была художницей? – спросил Кастонге.

– Почему вы так подумали?

– Красное платье. Эпатаж. Художники либо полные лоботрясы – почти не моются, вечно пьяные и грязные, – либо процветают. – Он показал на фотографии в руке Бовуара. – Невероятный апломб. Крикливые. Тип «Все смотрите на меня». Оба варианта очень утомительны.

– Похоже, вы не любите художников, – заметил Гамаш.

– Не люблю. Мне нравятся продукты, а не личности. Художники – убогие, сумасшедшие людишки, которые занимают большое пространство и отнимают много времени. Несносные. Как дети.

– Но тем не менее вы, кажется, когда-то были художником, – вмешался Франсуа Маруа.

Полицейские посмотрели на тихого человека у камина. Что это появилось на его лице – удовлетворение?

– Был. Но я слишком здравомыслящий человек, чтобы добиться успеха на этом поприще.

Маруа рассмеялся, и Кастонге посмотрел на него с раздражением. Произнося эти слова, он вовсе не шутил.

– Вы были вчера на вернисаже в музее, месье Кастонге? – спросил Гамаш.

– Да. Меня пригласила старший куратор. И Ванесса, конечно, мой близкий друг. Мы с ней обедаем, когда я бываю в Лондоне.

– Ванесса Дестин Браун? Глава «Тейт модерн»?²⁸ – спросил Гамаш, на которого это явно произвело впечатление. – Она вчера была в музее?

– О да. Она была и там, и здесь. Мы с ней долго говорили о будущем метафорического...

– Но она не осталась? Или она тоже здесь, в гостинице?

– Нет, она рано уехала. Не думаю, что бургеры и народная музыка – ее стиль.

– Но это ваш стиль?

Бовуару стало интересно, заметил ли Андре Кастонге, что ситуация изменилась.

– Обычно нет. Но тут были несколько человек, с которыми я хотел побеседовать.

– Кто?

– Простите?

Старший инспектор Гамаш по-прежнему говорил любезно, вежливо. Но теперь он явно играл первую скрипку. Как и всегда.

Бовуар опять скосил глаза на Франсуа Маруа. Он подозревал, что того не удивило изменение ситуации.

– С кем именно вы хотели поговорить на вечеринке? – терпеливо и четко проговорил Гамаш.

– Ну, во-первых, с Кларой Морроу. Хотел поблагодарить за ее картины.

– С кем еще?

– Это мое частное дело, – отрезал Кастонге.

²⁸ «Тейт модерн» – лондонская галерея современного искусства.

Значит, он заметил, подумал Бовуар. Но слишком поздно. Старший инспектор Гамаш был приливной волной, а Андре Кастонге – веточкой. Больше, на что он мог надеяться, – это остаться на плаву.

- Это может иметь значение, месье. А если нет, обещаю вам сохранить это в тайне.
- Что ж, я рассчитывал поговорить с Питером Морроу. Он первоклассный художник.
- Но не так хорош, как его жена.

Франсуа Маруа говорил тихо, почти шепотом. Но все посмотрели на него.

- Ее работы и в самом деле так хороши? – спросил старший инспектор Гамаш.

Маруа внимательно посмотрел на Гамаша:

- Я буду рад ответить на ваш вопрос, но мне любопытно узнать, что думаете вы. Вы были на вернисаже. И выделили этот примечательный портрет Девы Марии из других.

- Что-что? – спросил Кастонге. – Там не было никакого портрета Девы Марии.

- Если посмотреть внимательнее, то был, – заверил его Маруа и снова обратился к старшему инспектору: – Вы были одним из немногих людей, которые по-настоящему интересовались ее искусством.

- Кажется, я говорил вам вчера, что Клара и Питер Морроу – мои личные друзья, – сказал Гамаш.

На лице Кастонге появилось удивленное и подозрительное выражение.

- Разве это допустимо? Ведь получается, что у вас под следствием находятся ваши друзья, подозреваемые в убийстве, *n'est-ce pas?*²⁹

Бовуар шагнул вперед:

- На тот случай, если вы не знаете, старший инспектор Гамаш...

Но Гамаш поднял руку, и Бовуар заставил себя замолчать.

- Это справедливый вопрос, – ответил Гамаш. – Они друзья, и да, они подозреваемые. Да что говорить, у меня в этой деревне много друзей, и все они тоже подозреваемые. Я понимаю, что это можно истолковать как неприемлемое обстоятельство, но факт остается фактом: я знаю этих людей. Так кто может быстрее найти среди них убийцу? Разве не тот человек, который знает их слабости, их недостатки, их страхи? Но, – Гамаш неторопливо подался вперед, к Кастонге, – если вы полагаете, что я могу найти убийцу и отпустить его...

Слова были дружескими, на лице старшего инспектора играла слабая улыбка, но даже Андре Кастонге не мог не заметить весомость его слов.

- Нет, я так не полагаю.

- Рад это слышать. – Гамаш откинулся на спинку стула.

Бовуар еще несколько секунд сверлил взглядом Кастонге, пока не удостоверился, что тот не собирается больше ставить под сомнение профессиональную безупречность шефа. Пусть Гамаш считает себе, что так разговаривать с ним естественно и даже правильно, но Бовуар придерживался на сей счет другого мнения.

- Вы ошибаетесь в том, что касается картин этой Морроу, – угрюмо произнес Кастонге. – Это всего лишь несколько портретов старух. Ничего нового в этом нет.

- Там все новое, если заглянуть чуть поглубже, – сказал Маруа, занимая кресло рядом с Кастонге. – Посмотрите внимательнее, *mon ami*³⁰.

Несмотря на обращение Маруа, было ясно, что они никакие не друзья. Хотя, возможно, и не враги. Вот только стали бы они искать компанию друг друга для приятельского разговора в кафе «Лемеак» или ради выпивки в баре «Экспресс» в Монреале?

Нет. Кастонге – может быть, но Маруа не стал бы.

- А вы почему здесь, месье? – спросил Гамаш у Маруа.

²⁹ Не правда ли? (*фр.*)

³⁰ Мой друг (*фр.*).

Эти двое не боролись между собой за влияние. В этом не было нужды. Каждый верил в себя.

– Я торговец произведениями искусства, а не галерист. Как я сказал вам вчера вечером, куратор дала мне каталог, и меня поразили работы мадам Морроу. Я захотел увидеть их своими глазами. И, – тут он улыбнулся с сожалением, – боюсь, что даже в свои годы я остаюсь романтиком.

– Вы хотите признаться, что влюбились в Клару Морроу?

Франсуа Маруа рассмеялся:

– Не совсем так. Хотя, посмотрев ее работы, трудно не влюбиться. Но мой романтизм носит скорее философский характер.

– Что вы имеете в виду?

– Мне нравится, что художник может возникнуть из неизвестности, обнаружиться в возрасте почти пятидесяти лет. Какой художник не мечтает об этом? Какой художник, просыпаясь утром, не верит, что это случится с ним еще до того, как он вечером ляжет в постель? Помните Магритта?³¹ Бельгийского художника?

– *Ceci n'est pas une pipe*?³² – спросил Гамаш, совершенно убив этим Бовуара, которому оставалось только надеяться, что с шефом не случится припадок и он не станет пороть полную чепуху.

– Он самый. Он работал долгие годы. Десятилетия. Прозябал в бедности. Зарабатывал тем, что писал подделки под Пикассо и подделывал банкноты. На оригинальные работы Магритта галеристы и коллекционеры не обращали внимания, другие художники посмеивались над ним, считали его чокнутым. Должен сказать, что художник чувствует себя очень плохо, когда даже собраты по искусству называют его чокнутым.

Гамаш рассмеялся:

– А он таким не был?

– Может, и был. Вам знакомы его картины?

– Да. Они мне нравятся, но не знаю, что бы я почувствовал, если бы кто-то сказал мне, что это творения гения.

– Именно! – Маруа неожиданно подался вперед. Таким живым, даже возбужденным, Бовуар его еще не видел. – Это и делает мою работу ежедневным праздником. Если каждый художник просыпается с мыслью, что сегодня мир откроет в нем гения, то каждый арт-дилер просыпается с мыслью, что сегодня он откроет гения.

– Но кто это решает?

– Вот это и есть самое захватывающее.

Бовуар видел, что это было сказано искренне. Глаза Маруа сверкали, руки энергично двигались, но не театрально, а возбужденно.

– Я могу посмотреть чей-то портфолио и сказать, что это блестящие работы, а кто-то другой скажет, что они скучные, ученические. Вы посмотрите, как по-разному мы реагировали на картины Клары Морроу.

– Я продолжаю утверждать, что они неинтересны, – сказал Кастонге.

– А я утверждаю, что интересны, и где тот судья, который скажет, кто из нас прав? Это сводит с ума художников и арт-дилеров. Все это так субъективно.

– По-моему, они рождаются сумасшедшими, – пробормотал Кастонге, и Бовуар не мог с ним не согласиться.

³¹ Рене Франсуа Гислен Магритт (1898–1967) – бельгийский художник, автор остроумных и вместе с тем поэтически загадочных картин.

³² Это не трубка? (*фр.*) Название одной из популярных картин Магритта, на которой изображена трубка с надписью «Это не трубка».

– Это объясняет, почему вы были на вернисаже. Но почему приехали в Три Сосны? – спросил Гамаш.

Маруа задумался, пытаясь решить, сколько ему стоит сказать, и даже не скрывая своих колебаний.

Гамаш ждал. Бовуар, державший авторучку и блокнот наготове, принялся рисовать зако- рючки. Худошавую фигуру на лошади. А может, это был лось? С кресла доносилось тяжелое дыхание Кастонге.

– У меня когда-то был клиент. Он давно уже умер. Приятный человек. Работал дизайне- ром в рекламных агентствах, но был и настоящим художником. Его дом был наполнен чудес- ными картинами. Я открыл его, когда он был уже далеко не молод, хотя теперь, когда я думаю о нем, то понимаю, что он был гораздо моложе меня сегодняшнего. – Маруа улыбнулся.

Улыбнулся и Гамаш. Ему было знакомо это чувство.

– Он был одним из моих первых клиентов, и довольно успешным. Он был на седьмом небе, как и его жена. Однажды он спросил, не могу ли я взять несколько работ его жены для его следующей выставки. Я отказался, хотя и очень вежливо. Но он настаивал, что было совсем не характерно для него. Я мало ее знал и вообще не был знаком с ее работами. Я подозревал, что она оказывает давление на старика, но видел, что для него это очень важно, а потому согла- сился. Дал ей уголок и молоток с гвоздями.

Маруа помолчал, его глаза загорелись.

– Теперь я этим не очень горжусь. Я должен был либо отнестись к ней со всем уваже- нием, либо вообще отказаться от выставки. Но я был молод, и мне еще многому предстояло научиться. – Он вздохнул. – В тот вечер на вернисаже я впервые увидел ее работы. Вошел в зал и увидел, что все столпились в том уголке. Можете сами предположить, что случилось.

– Все ее работы были проданы, – сказал Гамаш.

Маруа кивнул:

– Все до одной, включая и те, что были у нее дома. Люди покупали их, даже не видя. За некоторые даже шла торговля – покупатели повышали ставки. Мой клиент был талантливым художником. Но его жена оказалась еще талантливее. Гораздо талантливее. Это было поразительное открытие. Настоящее ухо Ван Гога.

– Pardon? – спросил Гамаш. – Что?

– И что сделал старик? – вмешался Кастонге, которого увлекла эта история. – Он, наверно, был в ярости.

– Нет. Он был душевным человеком. Научил меня снисходительности. И сам был снис- ходительным. Но вот чего я никогда не забуду, так это реакции его жены. – Он помолчал секунду, явно видя перед собой тех двух пожилых художников. – Она оставила кисть. Не только больше никогда не выставлялась, но и не написала ни одной картины. Она видела, какую боль причинила ему, хотя он хорошо скрывал свои чувства. Для нее его счастье было важнее соб- ственного. Важнее ее искусства.

Старший инспектор Гамаш знал, что этот рассказ должен был прозвучать как история любви. Самопожертвования, бескорыстия. Но для него это прозвучало как трагедия.

– И поэтому вы здесь? – спросил Гамаш.

Маруа кивнул:

– Я боюсь.

– Чего вы боитесь? – спросил Кастонге, опять потерявший нить.

– Вы видели, как вчера Клара Морроу смотрела на своего мужа? – спросил Маруа.

– И как он смотрел на нее, – подхватил Гамаш.

Взгляды этих двоих встретились.

– Но Клара не похожа на ту женщину, о которой вы вспомнили, – возразил старший инспектор.

– Верно, – согласился Маруа. – Но и Питер Морроу не похож на моего пожилого клиента.
– Вы и вправду считаете, что Клара могла бы оставить кисть? – поинтересовался Гамаш.
– Чтобы спасти свой брак? Чтобы спасти мужа? – спросил Маруа. – Большинство на это не пошли бы, но женщина, которая написала эти портреты, смогла бы.

Арман Гамаш никогда не думал о такой вероятности, но теперь, взвесив слова Франсуа Маруа, решил, что это вполне возможно.

– И все же, – сказал он, – что вы могли бы сделать, чтобы предотвратить это?
– Откровенно говоря, не многое, – сказал Маруа. – Но по крайней мере, я хотел увидеть, где она пряталась все эти годы. Мне было любопытно.

– И все?
– Вам никогда не хотелось посетить Живерни, чтобы увидеть, где творил Моне? Или посетить мастерскую Уинслоу Хомера на Праутс-Нек?³³ Или посмотреть, где писали Шекспир и Виктор Гюго?

– Вы правы, – согласился старший инспектор, – мы с мадам Гамаш посетили много домов наших любимых художников, писателей и поэтов.

– Зачем?

Гамаш обдумал ответ:

– Затем, что эти места кажутся волшебными.

Андре Кастонге хмыкнул. Бовуар ошетинился, смущенный за своего шефа. Ответ был смешной. Даже, может быть, слабый. Признаться подозреваемому, что ты веришь в волшебство.

Но Маруа сидел неподвижно, глядя на старшего инспектора. Наконец он кивнул. Едва заметно и задумчиво. Это можно было бы даже принять за слабую дрожь.

– *C'est ça*³⁴, – сказал Маруа. – Волшебство. Я не собирался приезжать сюда, но когда увидел ее работы на вернисаже, то захотел увидеть деревню, где рождается такое волшебство.

Они проговорили еще несколько минут о том, куда заходили, кого видели, с кем разговаривали. Но, как и все остальные, этот разговор ничего не принес.

Старший инспектор Гамаш и инспектор Бовуар оставили двух пожилых людей в светлой гостиной и отправились на поиски других постояльцев. За следующий час они поговорили со всеми ими.

Убитую никто не знал. Никто не видел ничего полезного или подозрительного.

Когда они спускались по склону холма в Три Сосны, Гамаш думал о проведенных допросах, о том, что сказал Франсуа Маруа.

Но в Трех Соснах было нечто большее, чем волшебство. Что-то чудовищное бродило по деревенскому лугу, ело и танцевало среди здешних обитателей. Что-то темное пришло вчера на вечеринку.

И произвело на свет не волшебство, а убийство.

³³ Уинслоу Хомер (1836–1910) – американский художник и график, один из основоположников американской реалистической живописи.

³⁴ Верно (*фр.*).

Глава шестая

Из окна своего книжного магазина Мирна видела Армана Гамаша и Жана Ги Бовуара, спускающихся по грунтовой дороге с холма в деревню.

Потом она повернулась и окинула взглядом свой магазин с его деревянными полками, уставленными новыми и старыми книгами, с дощатым сосновым полом. На диване у окна сидела Клара и смотрела на дровяную плиту.

Она пришла несколькими минутами ранее, прижимая к груди пачку газет, как иммигрант на острове Эллис³⁵, прижимающий к груди какое-нибудь драгоценное старье.

«Неужели то, что держит Клара, и в самом деле так важно?» – спрашивала себя Мирна.

Мирна не заблуждалась. Она точно знала, что в этих газетах. Суждения других людей. Точки зрения окружающего мира. Мнения о том, что видели люди, глядя на картины Клары.

Мирна знала даже больше. Она знала, что именно написано на этих влажных страницах.

Она тоже рано встала этим утром, вытащила свою усталую задницу из кровати, протопала в ванную. Приняла душ, почистила зубы, надела чистую одежду. И в свете раннего утра села в свою машину и поехала в Ноултон.

За газетами. Она могла бы просмотреть эти газеты в Интернете, но если Клара любила читать бумажные газеты, то и Мирна тоже.

Ее не волновало, как мир смотрит на искусство Клары. Мирна знала, что ее подруга – гений.

Но она волновалась за Клару.

И вот теперь ее подруга сидела, ссутулившись, на диване, а Мирна – напротив нее в кресле.

– Пиво? – предложила Мирна, показывая на пачку газет.

– Нет, спасибо, – улыбнулась Клара. – У меня свое. – Она показала на промокший лиф платья.

– О такой женщине мужчины могут лишь мечтать, – рассмеялась Мирна. – Ты только подумай: женщина, состоящая исключительно из круассанов и пива.

– О да, предмет вожделения, – с улыбкой согласилась Клара.

– Ты уже их читала?

Мирне не было нужды показывать на промокшие газеты, они обе знали, о чем идет речь.

– Нет. Мне все время что-то мешает.

– Что-то?

– Какое-то идиотское тело в саду, – сказала Клара, но потом попыталась обуздать себя. – Мирна, господи боже, я не понимаю, что со мной такое. Я должна быть расстроена, сокрушена из-за того, что случилось. Я должна переживать за бедняжку Лилиан. Но ты знаешь, о чем я думаю? Единственное, о чем я думаю?

³⁵ Остров Эллис в устье реки Гудзон был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США; закрыт в 1954 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.